

КРОКОДИЛ

№ 24 • АВГУСТ 1975

1 сентября

ПЕРВАЯ КЛЯКСА

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

УЧИТЕЛЬ В ШКОЛЕ...

...днюет

...и ночует

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— А это мой дублер...

«Пятого февраля 1975 года мы вышли с урока физкультуры, чтобы переодеться, и зашли в актовый зал, где лежала наша одежда. В зале были сдвинуты столы, на которых стояла водка и закуска. Пока мы за ширмой на сцене одевались, в зал вошли учителя и начали справлять именины директора школы Ивана Тихоновича Фроленкова. Мы стояли и ждали, нам стыдно было выходить. Потом, прикрывшись портфелями, согнувшись, прошли гуськом мимо столов».

(Из письма учениц 9-го «А» класса Константинопольской средней школы Донецкой области).

ДОПОЛНЕНИЕ К ПОВЕСТКЕ

Опаснейшее дело — компрометировать себя в глазах юного поколения. Цепка и избирательна ребячья память. На долгие годы удержит она и, как эстафету, передаст другим: «это — тот самый».

В школе, где много лет назад я жадно и трудно набирался изначальной мудрости, учительствовал преподаватель естествознания Иван Аркадьевич. Славен он был тем, что однажды по пьяному делу плюхнулся в городской пруд с лягушками. Много времени утекло с тех пор, «завязал» и стал ярым пропагандистом трезвости Иван Аркадьевич, а мы по-прежнему звали его лягушачьим царем и завещали это вослед идущим. Не только цепка и избирательна ребячья память — она беспощадна.

Вас, вероятно, удивляет этот несколько сострадательный тон? Вас, вероятно, настораживает непривычное милосердие сатирического пера? Но нет, не об оскандалившихся учителях печемся мы, а о другой заинтересованной стороне — той самой, которая почтительно встает, когда учитель входит в класс.

Иван Аркадьевич, лягушачий царь, страдал, конечно, от долговременности детской памяти, но еще больше и опаснее пострадал от его хмельного падения англичанин Чарлз Роберт Дарвин. Со всей методологической полнотой повествовал о нем наш учитель, но все, что исходило из его уст, было окрашено для нас в зеленоватый и веселый отсвет городского пруда. Нам казалось, что и англичанин Чарлз Роберт бултыхнулся в свое время в зловонный лондонский омут, а выбарахтавшись оттуда и наспех отряхнувшись, стал набрасывать, голяком сидя на корточках (одежда сушилась), тезисы биологического материализма.

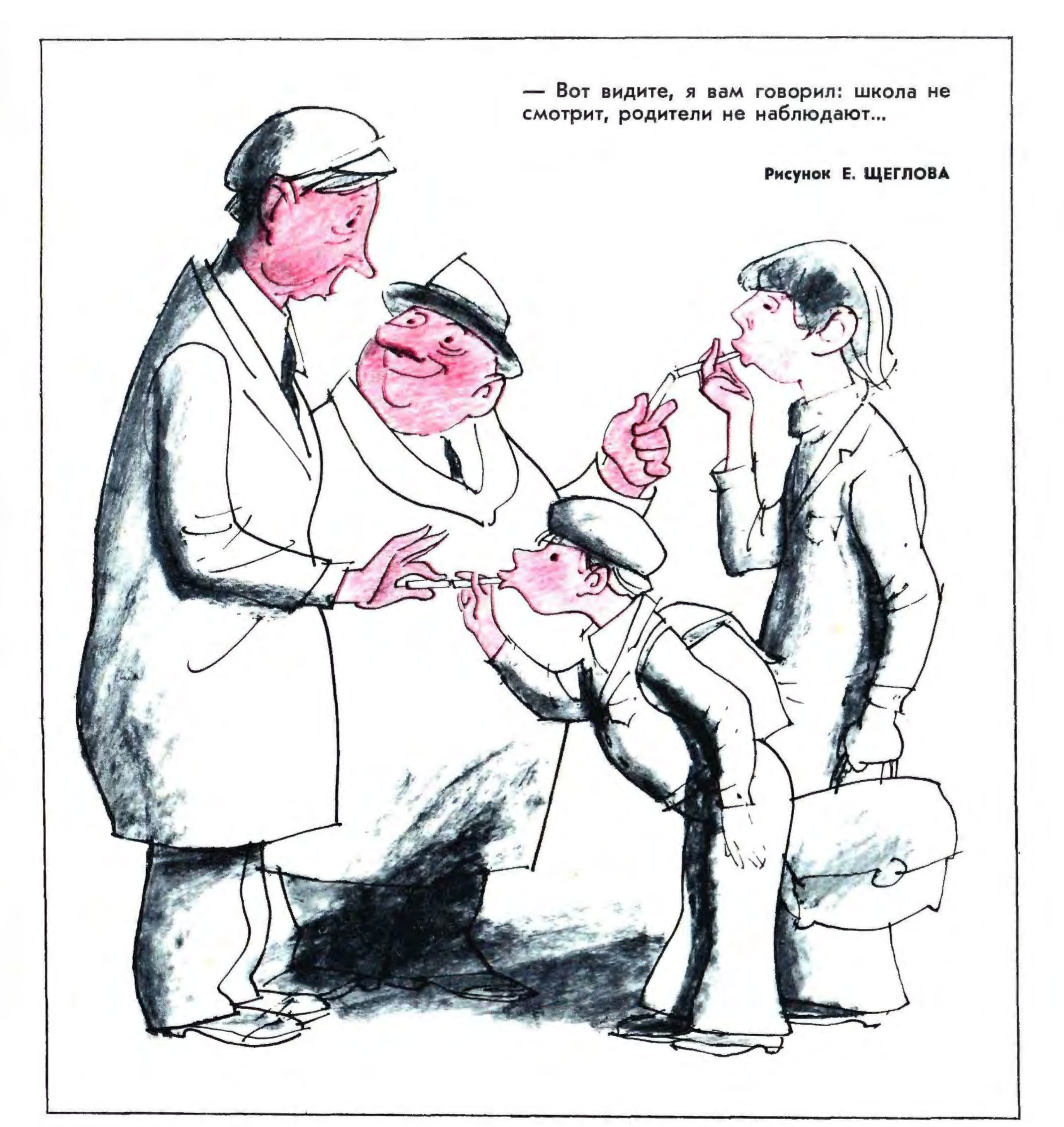
Наука в общем-то потеряла немного — куда больше потеряли мы, шестиклассники, обеднев на целый дарвинизм.

Между тяжелой и бескрайней громадой человеческого опыта и легкими, резво набегающими новыми поколениями стоит Учитель. Научные, этические и эстетические ценности, которые он проповедует, сами по себе неоспоримы, но во власти Учителя поднять их на еще большую высоту, осветив своим нравственным авторитетом. В его же власти бросить тень на них.

С пафосом взывает классный руководитель к сознательной дисциплине, а тем временем придирчивый народ за партами улыбчиво вспоминает, как на прошлой неделе в это же время (рабочее время!) классный руководитель звенящим голосом провозглашал здравицу в честь директора школы... О внутренней красоте, о грациозности Татьяны Лариной вещает преподаватель литературы, а пока учащиеся благоговейно фиксируют это в тетрадках, она, отвернувшись к окну, смачно жует бутерброд с краковской колбасой. Все видит и все замечает дотошливый народ за партами. Сопоставляет и взвешивает. И делает свои выводы.

...Новый учебный год берет старт. При распахнутых в предосенние пейзажи окнах шелестят педсоветы. Взбухла от вопросов повестка дня: успеваемость и дисциплина, дефицит учебников и итоги летнего отдыха, распределение нагрузки и практические занятия. Но мы, рискуя затянуть и без того пространные заседания, вносим дополнение к повестке. Вот только как лучше сформулировать его? Может быть, так: когда преподаватель входит в класс, ребята встают. Это традиционный знак уважения к Учителю, и те, кому адресован он, должны постоянно заботиться, чтобы знак этот не утратил своего изначального смысла.

Фельетонист

— Вот видите, я вам говорил: школа не смотрит, родители не наблюдают...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Мих. ДВИНСКИЙ

Провинился

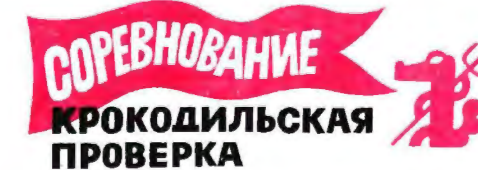
Твердый двоечник Безрогов
Педагога подозвал
И сказал тепло, но строго:
«Получается скандал!
Безответственную двойку
Вы мне вывели в году —
Будет вам головомойка,
Если с ней домой пойду.
Подвели своей оценкой
Вы и школу и район:
Показатель-то процентный
Будет сильно ущемлен!»

Провинившийся учитель
Робко вымолвил в ответ:
«Но у вас, мой друг, учтите,
И на двойку знаний нет:
Вы открыли на Урале
Гималайский океан,
А в Гренландию согнали
Львов, ослов и обезьян...»

Тут Безрогов гаркнул строже,
В гневе очи закатив:
«Значит, вам зверье дороже,
Чем родимый коллектив!!
От стыда за вас краснею!
Явно сбились вы с пути,
И придется, Глеб Корнеич,
Вас к директору свести!..»

г. Вильнюс.

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

С. БОДРОВ, С. КАСАТЫЙ

НЕ НАШИМ И НЕ ВАШИМ...

Гостей не ждали, а они приехали. В семь утра на Саратовском вокзале высадилась делегация представителей Юго-Восточной магистрали.

— Все-таки приехали,— уныло сообщил председатель Дорпрофсожа Черепахин начальнику Приволжской железной дороги Гордееву.

— Что ж делать, если приехали,— вздохнул Гордеев.— Надо встречать...

А гости давно мечтали об этой встрече. Давно воронежцы хотели приехать в Саратов, чтобы подружиться с приволжцами и начать с ними соревнование. Поэтому, несмотря на ранний час и некоторую пустоту в желудках, гости с радостным видом толпились на перроне. Как-то хотелось им музыки, цветов, приветственных слов. Ведь момент торжественный.

Но не было ни музыки, ни цветов, ни приветствий... И гости сумрачно сказали:

— Мы приехали подписывать договор о социалистическом соревновании...

И воскликнул с пафосом главный хозяин — А. М. Гордеев:

— А мы всегда готовы! Будем не только соревноваться, но и помогать друг другу! Ваши поезда — наши, а наши — ваши! И пусть победит дружба! Идет?

— Идет! — дружно ответили делегаты Юго-Восточной магистрали.

Что в соревновании железнодорожников главное? Главное, чтобы работа шла дружно, чтобы мчались составы без задержек, чтобы не опаздывали пассажиры и важные грузы к месту назначения. Ведь на железной дороге сосед с соседом связан стальными нитками. Как у одного аукнется, так у другого откликнется. Если ты работаешь плохо, так и соседу будет худо. Если у тебя все в порядке, значит, и у другого легче на душе. Очень важны на железной дороге взаимопонимание и сотрудничество. И роль соревнования тут особая. Не толкай локтем соперника, а веди вместе с собой к победному финишу. Поэтому и были записаны тогда в договоре о соревновании воронежцами и саратовцами симпатичные пункты:

«Станции Поворино, Филоново, Морозовскую откроем настежь!» — гласил первый.

«Поездам — зеленую улицу!»— призывал второй.

И много других хороших задумок родилось в тот день. И вечером, когда хозяева, не скрывая облегчения, провожали гостей, розовый туман все еще застилал глаза последним. В купе, за сладким чаем, луща крутые яйца, воронежцы довольно думали: «Ну пойдут теперь дела в гору! Славное это все-таки дело — соревнование!»

...Кислое настроение было у них через полгода, когда выяснилось, что Приволжская железная дорога соревнуется не почестному.

Обязательные планы (не говоря уже о повышенных) она не выполняла. Составы задерживались на жуткие сроки. Вместо экономии вагонов транжирили их вроде бабушкиного наследства. И в черном теле содержалась рельсовая колея...

Очень страдали станции Поворино, Филоново, Морозовская. Было задержано в общей сложности несколько тысяч поездов. Шум, ругань и бестолочь неоднократно заволакивали и другие станции. Напрасно было пытаться наладить добрососедские отношения.

— Ваши поезда не наши! А наши не ваши! — неслись злые крики по железнодорожному селектору.

В разгар этих событий к саратовцам собралась приехать еще одна делегация — куйбышевская. И все с тем же: будем, мол, соревноваться. Но эта попытка была решительно пресечена:

— Некогда, земляки! Дайте с одними расхлебаться!

А тем временем антагонизм окончательно нокаутировал дружбу. Зеленели лицом воронежцы, вспоминая саратовские обещания. И хотя на видном месте в Приволжском управлении с ежемесячной регулярностью обновлялись радужные показатели, которые отражали ход соревнования, само соревнование лопнуло, как надувной шарик.

А проиграли от этого и ваши и наши...

30 лет со дня капитуляции Японии

А. ВИХРЕВ

Последние пять минут

Старшина Гаврин шел с пистолетом в руке во главе японской пехотной роты по каменистой, пыльной дороге, на обочинах которой справа и слева высились штабеля ящиков с боеприпасами. Это был как бы коридор, неторопливо спускавшийся с гор к широкому проливу, к сваренным из железных балок пирсам, которые поскрипывали от тяжких ударов бортами причаленных к ним шхун и катеров.

Хорошо было выйти на такой шаткий пирс с «рогатиной» — хищным бамбуковым шестом с трезубцем на конце — и выследить беспечную камбалу, лениво порхающую по песчаному прибрежному дну, и ловко проткнуть ее трезубцем, и, круто посолив, бросить ее, трепещущую, на проволочную сетку над раскаленной чугунной печкой.

И хотя солнце уже кануло за гряду темных сопок и гор, можно еще успеть порыбачить, думал старшина Гаврин, невольно убыстряя шаг.

Ящики со снарядами, патронами, минами были обречены: который день их грузили на машины, вывозили в сопки и там подрывали. После такой работы и возвращались старшина Гаврин, четверо наших конвоиров-автоматчиков и пленная японская рота.

На ящиках были намалеваны иероглифы, но, конечно, ни старшина, ни автоматчики не знали, что они означают.

В сопках Парамушира, откуда они шли, были высверлены туннели, там в зябком сумраке тоже хранились боеприпасы, провиант, оружие; там были расчищены орудийные площадки, и из непролазных зарослей цепкого кедрача выглядывали черные стволы гаубиц, нацеленные на Камчатку. На берегу же, у линии прилива, остров стерегли доты с бетонными стенами метровой непробиваемости, и волны порою захлестывали пулеметные амбразуры, из которых прицельно простреливался весь пролив. И здесь и на соседнем, через пролив, острове Сюмусю все японское воинство было упрятано под землю: казармы, склады, кухни, лазареты таились в крытых траншеях, прихотливые лабиринты которых угадывались только по дымкам из жестяных труб, торчавших из земли там и сям прямо под ногами. Эту систему долговременных укреплений японский генштаб считал неуязвимой.

— Капитана, смотри туда, — тихо сказал Гаврину унтер-офицер Хата, единственный в роте кое-что смысливший по-русски и потому занимавший почетное место в голове колонны, рядом со старшиной.— Лево смотри, наша капитана там.

Рота приближалась к очередному штабелю, и, вглядевшись, Гаврин увидел над грядой ящиков голову в японской офицерской фуражке. Глаза офицера смотрели прямо на него, зорко и выжидательно.

Старшина придержал шаг, колонна пошла медленнее. Пленные тоже заметили своего командира, и по рядам прошелестел ропот.

— Он стреляй, ты не стреляй, — еще тише сказал Хата. — Мина там, детонатор... много ба-ах будет...

Тут только Гаврин распознал: в таких ящиках были минные взрыватели, по десятку в каждой жестяной коробке, по двадцать коробок в ящике. Один выстрел, если сработает детонация, мгновенно поднял бы в воздух все эти несколько сотен ящиков.

— Наша капитана есть камикадзе, — пробормотал Хата. — Сам погибай, все погибай...

Старшина продолжал идти по середине дороги, не поднимая руки с пистолетом и не отрывая взгляда от лица офицера. Он не представлял себе, что должно произойти.

Он думал о том, что все это — и острый запах ежеминутной опасности, и самоубийственный фанатизм таких вот смертников—камикадзе, и огненная круговерть начиненного порохом металла, словом, все то, что еще вчера было неизбежно, — не может, не имеет права быть сегодня, 2 сентября 1945 года, с 10.30 утра по токийскому времени.

Ибо в этот именно час на борту американского линкора «Миссури», за небольшим столом, покрытым зеленым сукном, официально и юридически закончилась вторая мировая война. Там, за этим зеленым, как мирная лужайка, столом японский министр иностранных дел Мамору Сигемицу, а вслед за ним делегации союзников—США, Китая, Англии, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии — подписали акт о безоговорочной капитуляции Японии.

В то утро Токийский залив, где стоял на рейде «Миссури», был окутан душным туманом. К началу церемонии подписания акта туман рассеялся, и обнажились развалины «великой восточноазиатской империи», ввергнувшей в рабство «под скипетром микадо», пятую часть населения планеты.

К этому часу мало что осталось и от победоносного самурайского духа, который должен был доказать превосходство «расы богочеловеков» в Азии,— точно так же, как гитлеровский нацизм утверждал господство «высшей арийской расы» в Европе. Безвозвратно упокоилась в архивной пыли «программа покорения мира», сработанная изобретательным генералом Танака еще в 1927 году, то есть, к слову сказать, когда в звоне мюнхенских пивных кружек еще не улавливался скрежет танковых гусениц. Както подзабылись и залихватские речи графа Уцида в Лиге Наций насчет того, что-де «японская миссия на Земле — руководить миром». И уж вовсе бредовой нелепицей выплывало из анналов горячечное заклинание тогдашнего военного министра Араки: «Всякий, кто попытается воспрепятствовать нашему победному маршу, будет безжалостно, без всякого милосердия раздавлен!»

Овеществленным абсурдом вырисовывались в неярком свете того сентябрьского утра и объемистые походные чемоданы, всерьез именовавшиеся «уральскими», — достаточно удобные для далековатого марша к Уралу; и офицерские авторучки опять же специально для «уральского похода» — одной заправки их чернилами в Токио должно было хватить до Свердловска. И шутовским диалогом из бездарной клоунады тарахтела деловитая полемика меж германскими и японскими дипломатами: откуда начинаться Великой Японии — от Байкала, Урала или, позвольте, быть может, от самой Волги? Дискуссия эта кипела, между прочим, в 1943 году, уже после Сталинграда...

Впрочем, и события, не столь удаленные во времени, тоже казались в то утро жалким фарсом, разыгранным только на потребу «среднему японцу», нашпигованному прописями шовинистической пропаганды. Ну хотя бы такой, к примеру, спектакль, как 87-я чрезвычайная сессия японского парламента, состоявшаяся в начале июня того же 1945 года; она должна была, по словам газеты «Ниппон таймс», «подготовить нацию к самому энергичному ведению решительных боев на территории метрополии». Парламент одобрил законопроект о «народных добровольческих отрядах», которые оказались копией гитлеровского «фольксштурма». В отряды зачислялись поголовно все мужчины от 15 до 60 и женщины от 17 до 45 лет, независимо от их физической и моральной мощи... Заседания проходили под аккомпанемент бомбовых ударов авиации союзников с воздуха и сольных выступлений членов кабинета с трибуны. Премьер Судзуки гордо заявил, что «Япония отклоняет требование о безоговорочной капитуляции», военный министр Анами восхвалял «дух особых штурмовых отрядов» (то есть опять-таки тех же смертников), а военно-морской министр адмирал Йонаи пророчески возгласил: «Победа всегда принадлежит тому, кто лучше борется в течение последних пяти минут».

Эти последние пять минут были уже не за горами. Ровно два месяца спустя в войну с Японией вступил Советский Союз.

Неотвратимой силой двинулись по сопкам, долинам и болотам Маньчжурии, по горам и лесам Хингана войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов. На корейские, курильские, сахалинские берега выплеснулись десанты Тихоокеанской флотилии. Конно-механизированные части маршала Чойбалсана стремительным рейдом пересекли пустыню Чахару, которая оказалась ничуть не слаще Сахары; через сыпучие пески и солончаки монгольским коннкам пришлось везти с собой не только вооружение, боеприпасы, продовольствие и воду, но даже фураж для лошадей: на десятки верст кругом — ни былинки... Смятые, рассеянные, поверженные императорские войска бросали оружие полками, дивизиями, гарнизонами. Пали Мукден и Чанчунь, Харбин и Порт-Артур. «Шанго! — кричали маньчжурские крестьяне, вылезая навстречу советским солдатам из глинобитных своих фанз, крытых камышом, с промасленной бумагой вместо стекол.— Русский немца бил, японца бил шанго! Сипасибо!»

Легко представить себе, каким кошмарным испытанием стали эти «последние пять минут» для аристократов самурайских кровей. Скоропостижный развал всей военной машины поверг «богочеловеков» в ярость отчаяния, и тут вся тактика их свелась к позорному и низкому коварству. Отступая из укрепленных районов, они цепями приковывали своих солдат (чтоб «сражались до конца»!) к орудиям, пулеметам, просто к деревьям. Они выходили из разбитых блиндажей смиренные, с белыми тряпицами в руках и, приблизившись к нашим, выхватывали пистолеты. Они бросали на дорогу саблю и укрывались рядом в засаде, поджидая, не остановится ли над нею, любопытствуя, наш боец. Они спешно сформировали «токутай» — диверсионные отряды головорезов, ряженных в бедняцкие китайские рубища. Они прикидывались мертвецами или тяжело раненными, зазывая наших солдат притворными воплями и стонами, чтобы стрелять по ним в упор, когда подойдут... Так выглядел наяву «кодекс самурайской чести», такими «доблестями» покрыли себя в «последние пять минут» те, кто упоенно веровал в свое божественное происхождение и предназначение.

Но сегодня все это, в сущности, уже история, думал старшина Гаврин, подходя все ближе к смуглому лицу, точно окаменевшему над грядой ящиков, и этот «капитана», конечно, знает, что все кончено. Впрочем, если он в самом деле смертник... Когда капитулировал Сахалянский укрепленный район и японское радио передало другим гарнизонам приказ сложить оружие, реплики с мест были и такие:

«Сообщите точнее, что делать — кончать самоубийством или бежать в горы?»

Вот и этот «капитана» сидел недели две в сопках, сбежав от своей роты, а теперь решил спуститься к берегу... Но поди угадай, что у него на уме.

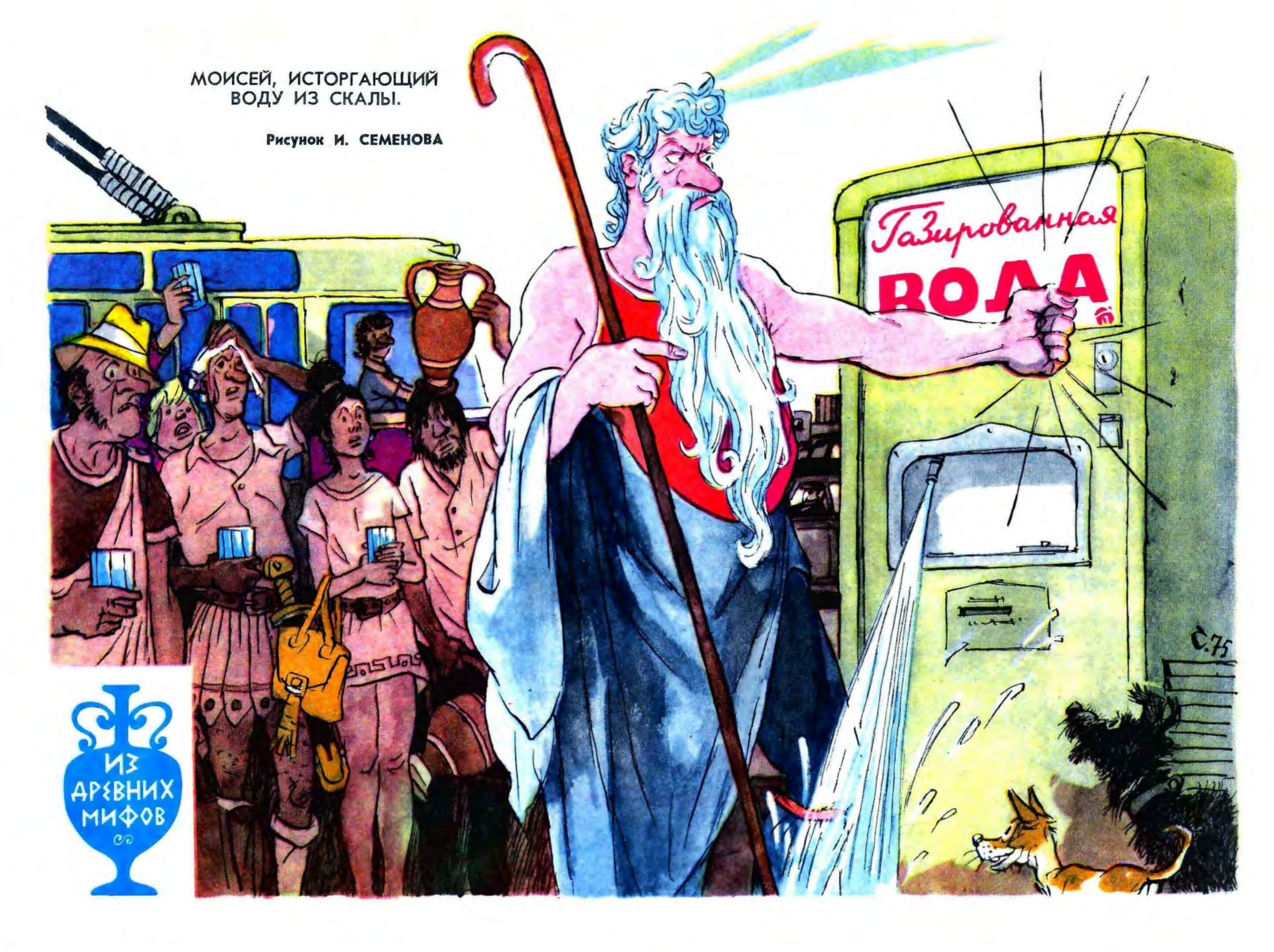
Старшина поравнялся с офицером, остановился и повернулся к нему. Рота замерла.

— Скажи ему, Хата, что Япония капитулировала, — негромко, но внятно произнес старшина, не сводя глаз с офицера. — Ка-пи-ту-ля-ция, понял? Мы, Красная Армия, гарантируем ему жизнь и возвращение домой. Га-ран-ти-ру-ем, понял? А если он хочет устроить тут заваруху с фейерверком, то ему же первому, слышишь, Хата, ему же первому будет капут. Это я ему тоже гарантирую.

Хата заговорил быстро и сбивчиво, офицер, казалось, слушал его внимательно. Когда переводчик умолк, он выбрался из своего гнезда и легко, кошачьим прыжком перемахнул через кювет на дорогу. Он указал старшине рукой в сторону пролива, что-то коротко сказал и вопросительно посмотрел на него.

— Идем, идем, — объяснил повеселевший Хата.— Наша капитана хочет капитуляция... Сдавайся офицеру — хорошо, ты не есть офицер — хорошо нету... Там будем сдавайся, русский офицер там...

— Ладно, — усмехнулся старшина, — эту субординацию мы как-нибудь переживем. Ну, рота, шагом марш!

МОИСЕЙ, ИСТОРГАЮЩИЙ ВОДУ ИЗ СКАЛЫ.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Горькие плоды

— Мы решили приблизить кузницу кадров к жизни,— сказал заведующий филиалами Учалинского сельского профессионально-технического училища № 22 Л. Г. Монастырский председателю колхоза «Урал» Т. К. Каримову.— Отныне будем готовить трактористов прямо в хозяйствах.

— Так это же прекрасно! — обрадовался Каримов.— Без отрыва от штурвала!

— Жаль только, что обучение у нас дневное,— вздохнул Л. Г. Монастырский.— С отрывом от производства.

— С отрывом не пойдет,— сник председатель.— У нас рабочих рук и так не хватает.

— Вам рабочие руки нужны, а нам — учащиеся. Бог велел делиться!

— Ничем помочь не могу. У вас план, и у нас тоже. Ваш вытянем — свой завалим.

— Есть одна идейка! — радостно потер руки заведующий филиалами.— Наш план можно выполнить без ущерба для вашего. Мы не будем отрывать ваших механизаторов от штурвала. Пусть они только числятся у нас учащимися дневного отделения. А сами пусть себе на здоровье и зарплату получают. Мы им даже еще и стипендию платить будем. Выдайте только справочку, что они у вас не работают и зарплату не получают...

— На преступление, значит, толкаете? — добродушно прищурился председатель колхоза.— Ну, ладно уж, выручу вас...

И Тельман Камалович тут же выдал справку: «Дана правлением колхоза «Урал», Учалинского района, БАССР, Учалинскому СПТУ-22 в том, что курсанты вашего училища при колхозе «Урал» от колхоза стипендию не получают и за ними не сохраняется заработная плата».

— Да, чуть не забыл, голова садовая! — хлопнул себя по лбу заведующий филиалами.— Для полного комплекта нужен еще мастер производственного обучения. На полставочки.

— Еще полдуши? — усмехнулся Т. К. Каримов.— На полдуши, пожалуй, потянет наш инженер по технике безопасности Давлетшин. Итого получается тридцать пять с половиной душ.

План приема учащихся на дневное отделение был выполнен.

Правда, первое время занятия все же проводились. Вечерами. Но через месяц наступили вынужденные каникулы: пришла горячая пора весенней страды. Учащиеся, они же колхозные трактористы, от зари до зари работали на колхозных полях. Не отставал от них и мастер производственного обучения. Кроме того, инженер Давлетшин вел журнал успеваемости. Неизвестно, по какому принципу он ставил оценки своим питомцам, но отстающих не было.

— Как на посевную занятия прекратились, так и по сей день не возобновлялись,— откровенно признавался потом колхозник Алмас Мадьяров.— Получал я стипендию каждый месяц. Практически ездил на тракторе всего три часа. По технике безопасности занятий не было. Деньги выдавал нам Давлетшин.

В общем, судя по журналу успеваемости и по ведомости на выдачу стипендии, дела в филиале обстояли благополучно.

А когда двух курсантов призвали в армию, П. Е. Давлетшин не вычеркнул их из списка учащихся. «Какая разница, откуда не ездить на занятия,— решил мастер производственного обучения,— из дома или из казармы?..» Давлетшин расписывался за солдат в платежной ведомости и, таким образом, приплюсовывал их стипендии к своей зарплате.

Конечно, в Учалинское СПТУ наведывались ревизоры из Башкирского республиканского управления профтехобразования. Однако блюстители финансовой дисциплины целиком и полностью доверяли документам. В том числе и липовым.

Все дело расстроил некомпетентный в вопросах педагогики учалинский городской комитет народного контроля. Контролеры подытожили: причиненный ущерб составил шесть тысяч пятьдесят четыре рубля. Но как подсчитать моральный ущерб, который нанесли очковтиратели?

В общем, плоды просвещения оказались горькими...

Башкирская АССР.

Р. КИРЕЕВ, З. ЮРЬЕВ,
специальные корреспонденты Крокодила

На нас смотрели скептически и с улыбкой. Мы были чудаки, наивные люди, напялившие на нос розовые очки. Скучно качали головами местные граждане, глядя на нас, полагавших, что и в столице и в жарких казахских степях, где совершенно зачахла роза ветров и куда мы прибыли с командировочным визитом, один и тот же общий закон. Закон с большой буквы. И что закон этот универсален, то есть приложим ко всему, в том числе и к данной конкретной территории.

Здесь же, на территории второго отделения совхоза имени Свердлова, Ульяновского района, Карагандинской области, как полагают многие, закон свой и воплощает его с исчерпывающей полнотой красавец мужчина Амбия Кусаинов, управляющий. В этом истина, которую местные жители усвоили на своей шкуре давно и прочно.

Постижение истины началось пять лет назад, а с чего именно, какие деяния совершал тогда Амбия Кусаинов, теперь уже не восстановить. Многие поразъехались, оглушенные административным рвением нового управляющего, у других язык спрятался за зубами. Но история сохранила для нас документ, вникая в который мы можем с достаточной точностью узреть дух и направление эксперимента.

Документ этот — протокол заседания парткома совхоза от 2 июля 1971 года. Он гласит: «За неправильный стиль и метод работы, за нетактичное поведение, за проявленную грубость к подчиненным Амбия Кусаинов заслуживает строгого наказания, но, учитывая, что он чистосердечно признал свои ошибки и заверил, что в дальнейшем не допустит подобных случаев, ограничиться объявлением выговора и потребовать изменить стиль работы».

Как видите, налицо полное торжество закона, причем закона общего, а не территориального закона Амбии Кусаинова. Так решите вы, читатель, пробежав вышеприведенную цитату. Так решили и местные граждане. Не закралась еще в их доверчивые головы крамольная мысль о двух или нескольких законах. Случилось это лишь после того, как пристыженный и покаявшийся Амбия Кусаинов вновь загремел в конторе грозным хмельным голосом, а затем, выскочив на простор, бросил в арык рабочего Токарева и хорошим прицельным ударом выбил зубы фронтовику Идиатулину.

Крамольная мысль зародилась, но была она еще робка, как дитя, и Амбие сказали:

— Ну, ты у нас попляшешь! Есть закон на земле.

— Ха-ха! — крикнул Амбия, сверкнув ослепительными зубами, и весело шагнул на партком, где к тому времени вновь назрело его персональное дело.

Что и как говорилось на парткоме, воссоздать трудно, но итоговый документ бурного, надо полагать, заседания история и на сей раз любезно сохранила для нас. «За неправильный стиль и метод работы, — гласит он, — за нетактичное поведение, за проявленную грубость к подчиненным Амбия Кусаинов заслуживает строгого наказания, но, учитывая, что он чистосердечно признал свои ошибки и заверил, что в дальнейшем не допустит подобных случаев, ограничиться объявлением выговора и потребовать изменить стиль работы».

Так, наперекор засомневавшимся в единстве закона вторично восторжествовала на совхозной земле справедливость. Произошло это 12 января 1972 года. А спустя некоторое время пьяный и радостный Амбия избивал на улице доярку Розу Шмидт за то, что та вслух высказала мнение, будто негоже управляющему появляться на улице в столь непотребном виде.

— Правду-матку режешь? Я тебе покажу правду! Вот она, здесь! — И он подъял к небу кулак, в котором, по его глубокому убеждению, была зажата окончательная и единственная правда данной территории. А коли кто сомневался в этом, вроде рабочего Магаданова или шофера Зубахина, то он вплотную прикладывал эту зажатую в кулак правду к физиономиям скептиков. Получалось убедительно. Если же нет, управляющий для вескости вооружался монтировкой.

Гуськом разбегались из совхоза специалисты и рабочие. Отряд рачителей единого закона тощал, но держался и барабанил в инстанции. Районная милиция фиксировала избиения. Нужно было принимать экстренные меры, и потому в феврале 1973 года собрался очередной партком. К следующему единодушному решению пришел он: «За неправильный стиль и метод работы, за нетактичное поведение, за проявленную грубость к подчиненным Амбия Кусаинов заслуживает строгого наказания, но, учитывая, что он чистосердечно признал свои ошибки и заверил, что в дальнейшем не допустит подобных случаев, ограничиться объявлением выговора и потребовать изменить стиль работы».

Теперь уже мало кто верил в силу Закона с большой буквы. Разумеется, где-то он есть — в далекой Москве, в менее далекой Алма-Ате или совсем уж близкой Караганде, но здесь, на ограниченной территории второго отделения, властвует личный закон Амбии Кусаинова. Тот Большой Закон нет-нет, да напомнит о себе скоротечным турне очередного проверяющего, но все инспекторские визиты заканчивались, как правило, приятственной беседой с гостеприимным и хлебосольным хозяином территории.

— Ну что, где он, ваш закон? — гремел от околицы до околицы великий Амбия.

Народ безмолвствовал. Разве что шофер Борис Тараненко, одерзев, попросил освободить на короткое время проезжую часть, на что управляющий, падая и вставая, бросился выворачивать из его машины свечи зажигания. Или разве что кузнец Мясников невнятно забормотал, протестуя против чего-то, на что управляющий вывихнул кузнецу палец. Или разве что механизатор Эдмунд Баумиллер возмутился вслух, на что: «Цыц! — прокричал управляющий. — Вышибу передние зубы!» Или разве что шофер Борис Евстратов...

Но стоп, это уже скучное перечисление, и мы, боясь утомить вас, читатель, заметим только, что и на сей раз Большой Закон не замедлил явить себя. «За злоупотребление алкоголем, моральные и физические оскорбления подчиненных...» Словом, очередной выговор. На дворе стоял год 1974-й.

В наступившем 1975-м благодать наконец-то воцарилась на втором отделении. Кто мог — тот уехал, кто не мог — тот остался, забетонировавшись в мудром молчании. Правда, у рабочего Морозова в сердцах вылетело раз, что, дескать, шибко пьяны вы, начальник, и тотчас грозно навис над ним управляющий:

— Что, тоже правды ищешь?

Быстро-быстро замотал головой Морозов, отнекиваясь, и стремглав подался вон из совхоза, на птицефабрику. Следом за ним принес заявление шофер Экрот.

— А ты чего? — спросил, тря похмельный лоб, опустошенный Амбия. — С тобой тоже, что ли, беседовал вчера?

— Беседовали, — сказал шофер.

— Ну и чего я? Убираться велел?

— Велели... Вот заявление.

— Не помню что-то. Совсем память паршивая стала. Ну давай, коли велел. — И, морщась от головной боли, подписал заявление.

А в целом нынешний год мало чем отличается от четырех предыдущих. Амбию пощекотали очередным выговором. Но кого из местных граждан обманет этот флирт Большого Закона с кулачным законом несокрушимого Кусаинова? В кого вселит надежду прибытие очередных проверяющих — на сей раз в лице корреспондентов центрального журнала? Вы — там, Амбия — здесь, и здесь Амбия сильнее. Со скептической улыбкой, помните вы, смотрели на нас местные жители.

Заинтригованные и обескураженные феноменом Амбии Кусаинова, мы стали с дотошной обстоятельностью подниматься вверх по административной лестнице. Первым на ней стоял директор совхоза Николай Федорович Ерещенко. Большой мужчина, стоял он с поникшей головой, и могучие руки его безвольно висели.

— Согласен... Не место ему здесь... Но управляющий отделением — номенклатура района.

Выразив сочувствие директору, мы поднялись выше. Прокурор района и однофамилец несокрушимого человека Ильяс Кусаинович Кусаинов не нуждался в нашей информации. Он знал все не хуже нас, ибо совсем недавно был на месте в качестве очередного проверяющего.

— Я смотрел-смотрел, — доверительно признался нам прокурор, — но ничего не усмотрел. Не нашел состава преступления.

— А как же статья 144-я Уголовного кодекса Казахской ССР?

— 144-я? Превышение власти и служебных полномочий?

— Совершенно верно. До пяти лет лишения свободы.

— Вы полагаете, статья закона и Амбия Кусаинов как-то связаны между собой? — удивился прокурор. — А мне это не приходило в голову. Я еще посмотрю, — пообещал он. — Я буду внимательней.

Оставив однофамильца и прокурора наедине с кодексом, бесполезно олицетворяющим Большой Закон, мы поднялись к первому секретарю Ульяновского райкома партии Бахиду Ахмановичу Ракишеву.

— Да вроде бы стукал он кого-то, — припомнил секретарь. — Кого-то обзывал. Но как управляющий характеризуется положительно.

— Кем характеризуется? — спросили мы.

Секретарь поднял указательный палец вертикально вверх.

— Василием Ивановичем Мосийко.

К мнению Василия Ивановича не прислушаться было грешно, поскольку Василий Иванович не только заведующий сельхозотделом Карагандинского обкома партии, но еще и человек, досконально изучивший Амбию Кусаинова: до перевода в обком Василий Иванович директорствовал в том самом совхозе, где Амбия вот уже пять лет сражается с отделением. Именно при Василии Ивановиче началось победоносное утверждение кулачного закона Амбии. Именно при Василии Ивановиче Амбию пожурили двумя первыми выговорами.

К сожалению, встретиться с тов. Мосийко нам не удалось: он был в отпуске. Его заместитель Григорий Иванович Коломиец выслушал нас с пониманием, так как был нашим прямым предшественником на многотрудной стезе проверяющего. Совхоз он посетил по тем же сигналам, по которым приехали мы.

— Тяжкая должность — управляющий отделением, — поделился с нами наблюдением Григорий Иванович. — Рано вставать приходится. А вообще-то жалобы не по моей части. Ими заместитель по животноводству занимается, я же ведаю растениями.

И тогда мы напросились на прием к Абдуали Спановичу Спанову, второму секретарю обкома, курирующему сельское хозяйство области. Абдуали Спанович был с нами дружески откровенен.

— Амбия Кусаинов? Ну как же, знаю. Думали снять, но район думает иначе. Решили оставить. Он ведь не так, чтобы сильно бьет. Никого не изувечил, никто на инвалидность не перешел. А с управляющими у нас туго.

...Из Караганды мы улетали утром. Прильнув к иллюминаторам, глядели вниз, на распростертую под встающим солнцем жаркую степь, и там, внизу, виделась нам неуязвимая фигура красавца Амбии Кусаинова, вздымающего в небо кулак, в котором надежно зажат Свой Закон. И еще нам виделись внизу скептические улыбки жителей кусаиновской территории, провожавших самолет глазами.

Карагандинская область.

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

И все дела...

Рассказ

Разнесся слух, что здание, в котором находился трест, будут ломать, и, как водится, сразу же начался капитальный ремонт.

В комнате, где сидел старший экономист Фугаев, так остро и зло пахло краской, что голова у него раскалывалась.

Фугаев тихонько стонал:

— Черт с ней, с головой, но что же будет с квартальным отчетом? Ничего не соображаю...

— А вы ступайте к управляющему, — подсказала секретарша Клавдия Георгиевна, которая всегда очень жалела больных мужчин. — Ступайте, ступайте, голубчик, сам-то в командировке, кабинет все равно пустует. Там тихо, проветрено...

Обрадованный Фугаев аккуратно разложил бумаги на широком столе управляющего, поудобнее уселся в мягком кресле и только было собрался поглубже вникнуть в отчет, как взгляд его упал на календарь.

Красивый перекидной календарь был раскрыт на том самом числе, когда улетел управляющий, а под числом было четко и ясно написано: «Фугаев. Уз.про.пу».

Старший экономист внезапно почувствовал, как сердце тронулось с места и, все набирая скорость, покатилось к холодеющим пяткам.

— Что такое Фугаев, я понимаю, — тихо произнес он, — но что означает это «Уз.про.пу»?

Что-то нехорошее, пугающе-зловещее почудилось ему, и Фугаев опрометью бросился из кабинета.

— Куда вы? — взметнулась Клавдия Георгиевна. — Да вы весь бледный! Вам дурно? Хотите свеженькой валерьянки?

— Нет, нет! — воскликнул старший экономист. — Помогите мне только в одном: что такое «Уз.про.пу»? А? Как вы думаете?

— «Уз.про.пу»? Ну кто его знает. Сейчас таких сокращений в документах полно, — пожала плечами секретарша. — Впрочем... Вы не слышали, у нас узоры централизованы?

— Какие еще узоры? — не понял Фугаев.

— Обыкновенные. Которые на зданиях цветной плиткой выкладывают или на материи вышивают.

— Понятия не имею...

— Я думаю, «Уз.про.пу», может, это как раз и есть «Узорпроектпункт»?

— Да я-то какое отношение имею к вашим узорам? — отчаянно махнул рукой Фугаев и поплелся домой, вздыхая и бормоча: — «Уз.про.пу», «Уз.про.пу»...

— Ты спроси у нашего Вовки, — укладывая совсем захворавшего мужа в постель, подсказала жена. — Они у себя в школе часто в такую игру играют: одни сокращают слова, а другие разгадывают.

— Так это же просто, — усмехнулся Вовка, — тут и разгадывать нечего. У нас в классе есть такой балбес-второгодник. Голова тыковкой, лобик узенький, а кулачища здоровые. Ничего не делает, только дерется. Мы его так и прозвали: Узпропу!

— Хм... Допустим. А что это значит? — взволнованно спросил папа.

— Узколобое противное пугало!

Папуля закрыл глаза и сложил на груди руки. «Все, крышка, погиб, — думал он. — Такую неофициальную запись руководитель сделает вряд ли, но, безусловно, она касается моей служебной деятельности. «Уз.про.пу» — это что-нибудь вроде «Узнать, проверить, пускай уходит», не иначе!..»

Что ж, поделом, в последнее время он действительно трудился с прохладцей, не отдавая квартальным отчетам всего жара души. И вот пожалуйста — «Уз.про.пу»!

Немного подремав, Фугаев вскочил затемно, на работу явился раньше уборщицы и буквально вгрызся в отчет.

А в середине дня прибыл из командировки управляющий, и Фугаев, сопровождаемый успокоительными напутствиями Клавдии Георгиевны, робко переступил порог его кабинета.

— Вы уж извините, по личному делу беспокою. Временно находясь в связи с ремонтом и с разрешения секретарши во вверенном вам кабинете, я совершенно случайно обнаружил...

И Фугаев деликатно указал на календарь.

— Это? — нахмурился управляющий, уставясь на календарь. — А что это?

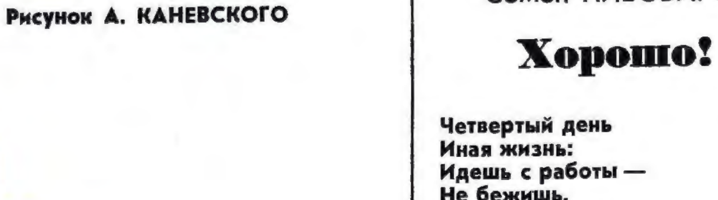
— Не знаю. Вашей уважаемой рукой написано: Фугаев, стало быть, я. А вот «Уз.про.пу»...

— М-да... — Управляющий задумался на секунду, а потом вдруг весело рассмеялся: — Так ведь это мы тут однажды вечером в преферансик соображали! Хотели ко мне отправиться, а третьего-то и не хватило! Я и подумал тогда про вас, не интересуетесь ли? И чтобы не забыть, черканул наскоро: «Уз.про.пу» — узнать про пульку.

Чувствуя, как сердце постепенно возвращается на свое законное место, Фугаев пожалел не о нем. И не о бессонной ночи. И не о тревогах семьи. А о том, что он не умеет играть даже в подкидного дурачка!

— Кушай, дорогая. Когда еще нам транспорт для фруктов выделят!

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

Семен ПИВОВАРОВ

Хорошо!

Четвертый день
Иная жизнь:
Идешь с работы —
Не бежишь,
Жена встречает,
Улыбаясь,
Ешь за столом,
Не обжигаясь,
А дальше —
Что велит душа:
Читай газеты
Не спеша,
Гуляй с женой
В вечернем парке,
Достань альбом
И вспомни марки,
Рисуй, строгай,
Пиши стихи,
Сражайся с дочкой
В поддавки,
Сам сочиняй себе
Сюрпризы...

Пока в ремонте
Телевизор.

г. Феодосия.

Юрий БЛАГОВ

Через лужу

Пресытившись городом, некая пара
Сошла с надоевшего ей тротуара
И в девственных кущах сняла закуток
У деда и бабки на месячный срок.

Едва постояльцы пришли в умиленье,
Как бабка на деда пошла
в наступленье:
Гляди, мол, бесстыжая рожа твоя,
Какие на свете бывают мужья...
Намедни видала я, выйдя наружу,
Как муж-то жену на руках через лужу!
А ты-то меня-то за сорок-то лет
Хоть раз перенес через лужу-то, дед!

Нападки завистницы несколько грубы...
Но дед поджимает в молчании губы,—
Он знает, а бабка узнать не должна,
Что гости их вовсе не муж и жена.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«А БОЛЬНО — НИКОМУ»

На новомосковском заводе «Трамвайзапчасть» допускались серьезные недостатки в хранении и использовании дорогостоящего оборудования: портились под открытым небом котлы отопления, томились на свалке катушки телефонного кабеля, ржавели гиганты-вентиляторы. Но эти и другие факты бесхозяйственности не могли пробить брешь в стойком хозорганизме предприятия. Вовремя выплачивались премиальные, тринадцатая зарплата, а «экономия» и «бережливость» награждались переходящим Красным Знаменем. Об этом шла речь в фельетоне Р. Киреева (см. № 15 «Крокодила»).

Заместитель министра коммунального хозяйства РСФСР С. М. Ионов сообщил, что фельетон признан правильным. За неудовлетворительное руководство заводом, срыв народнохозяйственных планов и бесхозяйственность директор завода Д. В. Овчаров решением коллегии освобожден от занимаемой должности.

Секретарь Новомосковского ГК КПСС М. Иванов сообщил редакции, что выступление «Крокодила» обсуждено на партийном собрании завода и заседании бюро Новомосковского ГК КПСС. Бывшему директору завода «Трамвайзапчасть» Д. В. Овчарову, заместителю директора завода Е. Г. Ладыгину, главному энергетику завода Ю. И. Тенянову объявлены строгие партийные взыскания. Секретарю партбюро завода И. Н. Дербинову поставлено на вид за слабую требовательность к хозяйственным руководителям.

Администрацией завода приняты меры по устранению отмеченных в фельетоне недостатков.

«ИГРУШКА ДЛЯ БОГАТЫРЕЙ»

Выпуская меховую гармонь, тульское объединение «Детская игрушка» рекомендует при пользовании избегать: снега, тумана, дождя, холодной и жаркой погоды, ударов, толчков и т. д. Но и при соблюдении всех этих условий растянуть гармонь ребенку не под силу. Обо всем этом говорилось в заметке «Игрушка для богатырей» («Крокодил» № 16).

Как сообщает главный инженер объединения «Детская игрушка» тов. А. Поплавский, заметка обсуждалась на общем собрании объединения. Разработаны меры по улучшению качества гармони. В соответствии с этим будут изменены и правила пользования инструментом.

«ПРОГРЕСС В ТУПИКЕ»

В одноименной заметке («Крокодил» № 16) шла речь о том, что почти два года назад Хорский кирпичный завод приобрел дорогостоящую дискозубчатую дробилку. И все это время она валялась без надобности.

Как сообщает секретарь райкома КПСС района имени Лазо Хабаровского края тов. В. Серкин, дискозубчатая дробилка отремонтирована и продана другому предприятию. За халатное отношение к сохранности оборудования бывший директор завода тов. Белый и главный инженер тов. Масловский решением бюро РК КПСС наказаны.

Знак скверного качества

И СКАЗАЛ СУПРУГ СУПРУГЕ...

В семье Божко из города Горловка был праздник: семья приобрела шкаф — новый, платяной, 146 рублей без копеек.

— Взгляни, дорогая, на свое счастливое лицо,— любезно предложил супруг супруге и, взяв зеркало, стал в позу.

Лицо было счастливым, а зеркало — большим и тяжелым. Предназначалось оно для шкафа и входило соответственно в его стоимость. Когда же поуставший супруг попытался приспособить его по месту назначения, оказалось, что сделать это невозможно.

— Посмотри, дорогая, на свое разочарованное лицо,— сказал супруг супруге, после чего аккуратно поставил зеркало в левый угол.

Затем семья Божко села за стол и написала коллективное, но вежливое письмо в Донецк, на мебельный комбинат, который имел к указанному шкафу самое родственное отношение.

По истечении малого времени семью навестил представитель комбината. Он был взаимно вежлив. Он снял со шкафа дверцу, аккуратно поставил ее в правый угол и, посулив быть через неделю, убыл.

Недель с тех пор минуло более полусотни. Комбинат безмолвствует. Дверца стоит в правом углу, зеркало — в левом, но время от времени супруг приподымает его и любезно говорит супруге:

— Посмотри, дорогая, на свое грустное лицо.

С. ЛОБНЯ

А ВНУК СРАЗУ ПРЕДЛАГАЛ...

Житель села Белгаза, Аткарского района, Саратовской области, Н. Ищенко купил будильник «Янтарь» Орловского часового завода. Внук, правда, сразу предлагал: дай, мол, я этим будильником маленько поиграю. А дед уперся.

— Нет, — говорит, — лучше я стану по нему узнавать время с точностью плюс-минус 125 секунд, как в инструкции указано.

И начал. Но будильник оказался неторопливым и отстал на 50 минут в сутки. За вторые сутки он отстал на 52 минуты, за третьи — на 49. Потом, наконец, будильник перестал капризничать и начал твердо отставать на 50 минут.

Внук, правда, опять свое предлагал. Но дед крепко уперся.

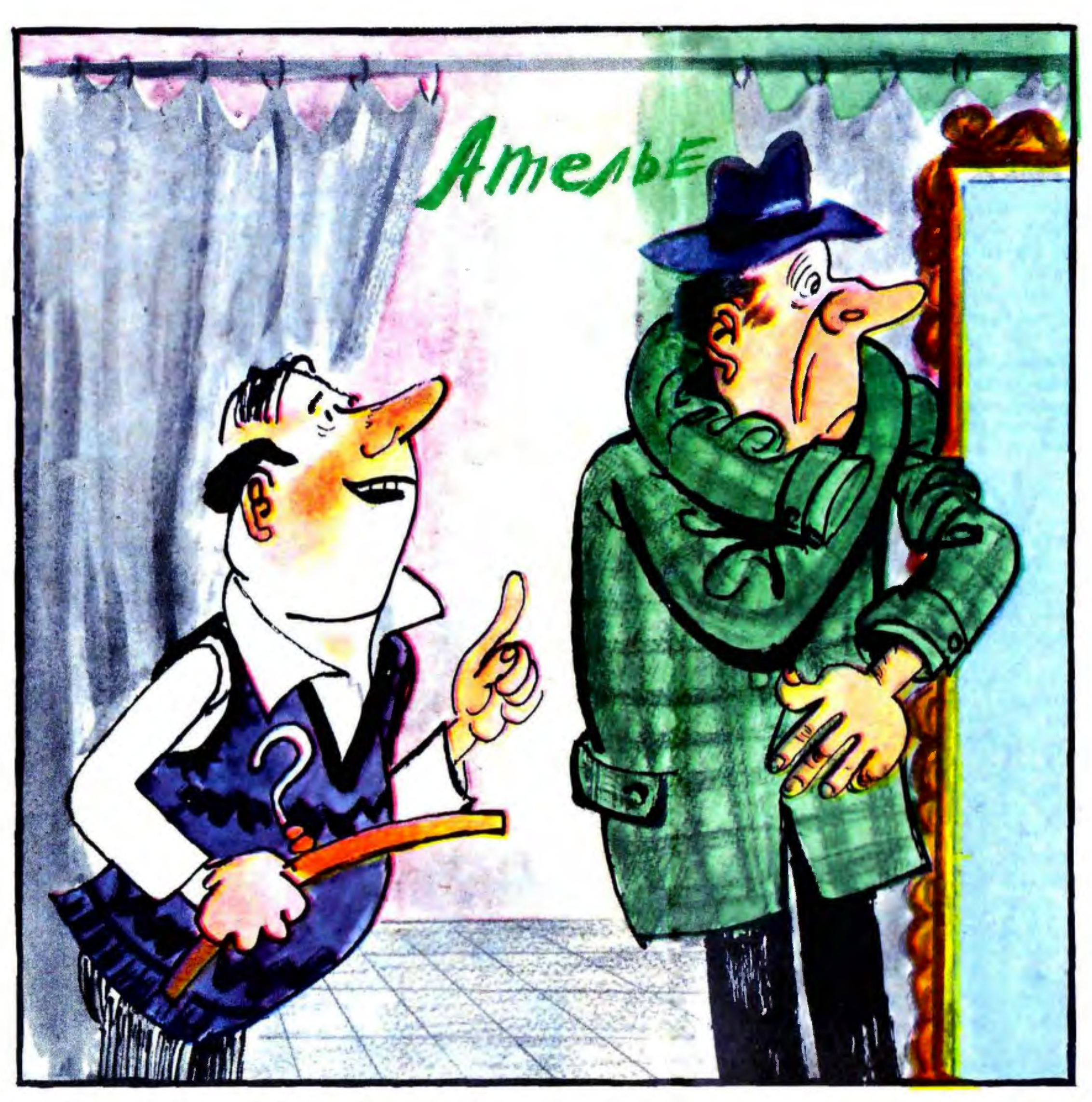
— Нет уж, — говорит, — лучше я начну при помощи пинцета двигать регулятор в сторону знака плюс. Как в инструкции сказано.

И двинул. Теперь будильник уже не отставал. Он встал. Поскольку в инструкции не было сказано, куда нужно двигать регулятор в этом случае, Н. Ищенко решил, что обнаружил неисправность, и хотел сдать будильник в гарантийную мастерскую.

Но тут снова внук вмешался. Он показал ему заметку «Дорогие услуги», напечатанную в саратовской областной газете «Коммунист». А там было написано, что саратовец Г. Зуев со своим будильником ходил в гарантийную мастерскую на улице Вавилова семь раз. Все хотел вызволить свои часы из ремонта, но это у него как-то не получалось.

И тогда дед не выдержал и отдал будильник внуку — пусть себе играется. Все-таки родной внук. Для него и четыре пятьдесят не жалко.

В. ПОДКОВА.

— Зато можно обойтись без шарфа...

Рисунок Б. САВКОВА

ПЛОД ЭКСПЕРИМЕНТА

При словах «эксперимент», «экспериментальный» всегда как-то уважительно трепещешь. А если к тому же плод эксперимента отмечен солидной печатью «М-во легкой промышленности СССР. Московская экспериментальная ф-ка ВНИИТП, Всесоюзный научно-исследовательский институт трикотажной промышленности», то начинаешь испытывать даже что-то благоговейное. Да и как тут не заблагоговеть? Ведь это прелестно, что трикотажный исследовательский институт научно экспериментирует. Это обнадеживает. Это вселяет. Хочется ожидать, что недалек тот звездный час, когда на свет явится что-то этакое, трикотажное.

И вот он перед вами, плод эксперимента. На прилавке магазина. Белые, извините, дамские трусы. «Артикул 120233. Сорт I. ГОСТ 2106-70. Модель К-51. Цена 2 руб. 50 коп.». Аскетически лаконичные, без единой игривой прошивочки, без самомалейшего фривольного кружевца. Строгие, как сама наука.

Не видя вокруг ничего лучшего, вы покупаете эту модель с целью, извините, носить.

Придя домой, вы прикидываете покупку — плод раздумий и озарений ВНИИТП — на себя и убеждаетесь, что размер 50-й соответствует 44-му, в крайнем случае 46-му

Теперь настал ваш черед экспериментировать. Вы пробуете натянуть покупку на вашу родственницу, имеющую в объеме 44, в крайнем случае 46. И тут выясняется, что в отверстие, извините, предназначенное для взрослой ноги, не пролезет и нога младенца. Однако достаточно лишь легкого нажима — и изделие плавно расползается по швам, позволяя свободно просунуть туда ногу, даже две, если угодно. Распоровшись окончательно, модель К-51 на глазах у огорченного потребителя превращается в тряпицу неизвестного назначения, и потребитель слышит, как плачут его денежки.

Т. ВЛАДИМИРОВА.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Из мелочей строится жизнь наша. Тем более — дом.

Дом строится из таких мелочей, как шурупы, угольники и бланки-наряды. Попробуйте соорудить дом без оконного угольника. Ни ж/б панели, ни башенные краны, ни горячий энтузиазм не могут заменить кусочка железа размером 75×75 мм, который пришпандоривается к оконной раме.

Вот почему мы понимаем торжество города Омска, который наконец-то получил из города Калинина двести тысяч таких угольников.

Но, как было только что отмечено, жизнь наша строится *из мелочей. А мелочь заключается* в том, что калининцы, прислав угольники, забыли прислать к ним шурупы числом почти миллион. Вот ведь незадача!

Впрочем, нет нужды занаряжать воздушный транспорт и отправлять пресловутые шурупы сверхзвуковой скоростью. Прекрасный авиалайнер не спасет погибающий план Омского ДОКа. Мелочь, пустяк мешает этому: ничтожный заусенец, который не позволяет шурупу войти в отверстие угольника.

Как выяснилось, все двести тысяч угольников «не соответствуют требованиям ГОСТа и являются абсолютным браком». Так что при всем желании не смогут омичи пришпандорить данный угольник к оконной раме. И если его и пустят в дело, то только в качестве металлолома.

Спрашивается: *нужно ли было везти этот лом* за три тысячи километров? Не проще ли было сдать его Вторчермету в самом Калинине?

Ю. Б.

— От этой поп-музыки у меня молоко скисает!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

С. КОМИССАРЕНКО

На твердой ставке

Рассказ

— Здрасьте.

— Здрасьте.

— Я из «Бюро добрых услуг». Насчет работы у вас на предприятии.

— А что вы умеете?

— Критиковать.

— Что-что?

— Ну, бичевать эти... недостатки.

— Интересно! И что же вы бичуете?

— Да разное. Могу взять слово на собрании и знаете как выступить, невзирая на лица? Заслушаетесь.

— Неужели вы думаете, что мы сами, если надо, не можем выступить?..

— Ну что же, пожалуйста, выступайте! До свидания.

— Минуточку! А что, выпускают уже специалистов с таким профилем — критиковать?

— Самоучка я.

— И на какую оплату, интересно, претендуете?

— Сто рублей в месяц, совсем немного, если учесть, что работа нервная. Притом в любой ситуации сам выступаю, без дублера...

— А вы что, уже критикуете где-нибудь?

— А как же! Можно сказать, в две смены загружен, бывает, и после работы остаются, чтоб послушать меня...

— Сами, что ли, не могут критиковать?

— Могут, но, видимо, не хотят.

— По причине?

— Ну, покритикуешь раз, другой, скажешь не те слова, и уволить могут. Без слов. Даже без выходного пособия. А меня уволить нельзя!

— Это почему ж?

— Работаю от другой организации — «Бюро добрых услуг». Заключаем трудовое соглашение на три года, оговариваем сумму, способ оплаты: сдельно за каждое выступление или повременно,—в общем, сто рублей в месяц получается в обычных организациях, в научных — еще десять процентов надбавки за специфику. Зато уж критикую за милую душу, как говорится, глаголом жгу сердца людей!

— И даже можете кого-нибудь из главка покритиковать?

— А как же! Если в интересах дела. Так берете меня?

— Разве что в порядке эксперимента. С окладом сто рублей в месяц. Подходит?

— Только с одним условием.

— С каким?

— Ни в коем случае не повышать мне оклада!

— Ради бога!

— Нет-нет, давайте в трудовое соглашение запишем, чтоб не повышать!

— А почему это вас так волнует?

— Сплошь и рядом поработаешь месяц-другой, только войдешь во вкус — и окружат со всех сторон: «Мы вам сто пятьдесят будем платить, даже двести — только молчите!» А вы знаете, что такое молчание при моей работе? Дисквалификация!

Евгений ДУБРОВИН

Рассказ

Гости столицы

Злоключения мои начались, естественно, в понедельник. Встал я пораньше, чтобы дров нарубить и воды в бочку натаскать. Вышел во двор — красотища вокруг невероятная: солнце только что встало, лес вдали камнем зеленым переливается, речка дымится, петухи поют...

Только размахнулся топором, смотрю, почтальон ко мне со всех ног бежит.

— Тебе телеграмма,— говорит.— Распишись вот здесь.

Расписался я, развернул телеграмму и читаю: «Срочно явитесь управление Нечипуренко».

Вывалилась у меня телеграмма из рук и улетела бабочкой. Подпись самого начальника. «Пропал,— думаю.— Наверно, снимать будут или еще какая-нибудь гадость».

Телеграмму не показал ни жене, ни теще, сказал, что еду по обычным делам, и первым же автобусом отбыл в область.

Прихожу в управление взволнованный, естественно, ожидая всяких неприятностей, а начальник встречает меня стоя, руку трясет и сияет.

— Ну, повезло тебе, Фомин. Ящик коньяка ставь.

Отлегло у меня немного от сердца.

— За этим дело никогда не станет, а что случилось? — спрашиваю.

— Да вот,— отвечает Нечипуренко.— Такая оказия, братец. Запросила Москва молодого дизайнера, так сказать, непосредственно от сохи, в смысле от природы. Ты у нас агроном молодой, в красивом месте живешь, а потому чувством эстетики с детства пропитан должен быть. И палисадник у тебя, я видел, здорово оформлен.

— То теща оформляла,— говорю.

— Неважно,— отвечает Нечипуренко.— Ты же руководил. В общем, собирайся в столицу да нас потом не забудь. Надо же, какой поворот судьбы! Из хутора да в Москву.

И сияет, и руку жмет, а сам черный весь, видно, на душе кошки скребут — завидует. Да и кто бы не завидовал?

Прибежал я домой, рассказываю, смотрю, реакция какая-то не такая, какая следовала бы. Теща мрачнее тучи сидит. Послушала, послушала да и заявляет:

— Лично я отсюда никуда не поеду, хоть голову руби. Я курей люблю. У меня тут двадцать штук курей, и с ними я ни за что не расстанусь.

Я ей отвечаю, что курей в Москве навалом, причем свежезамороженных, а это очень удобно, так как даже без холодильника свежезамороженная курица может запросто два дня пролежать. А импортные куры? Они такие гладкие, будто и вовсе жили без перьев.

Но теща уперлась.

— Не хочу,— говорит,— гладких курей. Я их сама щипать люблю.

Тогда я предлагаю забрать курей с собою, отгородить им часть квартиры, и пусть живут. Держат ведь люди попугаев. Куры же намного спокойнее попугаев.

— А просо? — спрашивает теща.— Где я им наберусь проса? Просо ведь в Москве не продается.

В общем, бог с ней, с тещей, живут люди и без тещ, но вслед за тещей заупрямилась моя жена.

— Я,— говорит,— привыкла жить с мамочкой. Без мамочки меня замучает стресс и отсутствие коммуникабельности.

Короче, плюнул я на глупых баб и отбыл в Москву один. Со временем приедут, никуда не денутся. Работа мне понравилась, и дела пошли неплохо, поскольку я вырос в красивом месте и чувство прекрасного у меня заложено с детства.

Вскоре дали мне однокомнатную квартиру со всеми удобствами. Я туда предусмотрительно прописал жену и тещу: приедут ведь когда-нибудь.

Поначалу здорово у меня жизнь пошла. Музеи, выставки, картинные галереи, театры и даже один идейно-выдержанный бар посетил. Квартира маленькая, уютная, как чуланчик. Придешь усталый после музеев, плюхнешься на раскладушку и спи себе. Есть захотел — руку на кухню протянул, не сходя с места, взял чего надо и кушай себе на здоровье. Ноги помыть потребовалось, протянул, не сходя с места, в ванную и помыл.

Но тут наш главк новый дом построил и выделил мне двухкомнатную квартиру. Со всеми удобствами, разумеется.

— Пользуйся, Фомин,— говорят.— Дизайнер ты хороший да и семья три человека.

В двухкомнатной мне уже похуже стало. Не так уютно, да и на кухню и в ванную далеко бегать... Но ничего не поделаешь. Кто же отказывается от двухкомнатной? Как-то стыдно.

Отпуск я, естественно, в своей родной деревне провел, и вскоре появился у меня наследник. А тут главк еще один дом сдал, и поскольку не оказалось претендентов на четырехкомнатную квартиру, то выделили ее мне.

— Пользуйся, Фомин,— говорят.— Дизайнер ты что надо, ребенок у тебя ко всему прочему народился...

Взял я четырехкомнатную. Какой дурак от четырехкомнатной отказывается?

И вот сложилась такая ситуация. Семья моя за пятьсот километров, теща, не желая есть гладких кур, с хозяйством возится, жена, боясь потери коммуникабельности, сына возле нее воспитывает, а я как дурак слоняюсь один в четырехкомнатной квартире в Чертанове.

Телевизора как-то не завел, друзей тоже, музеи все были осмотрены, и вот вечерами сижу один, слушаю, как вода в центральном отоплении булькает да временами поет унитаз. Можно было бы, конечно, девушкой обзавестись, но дело в том, что я морально устойчивый. Во всяком случае, так у меня в характеристике записано, а по-моему, каждый человек должен соблюдать свою характеристику. В общем, скука смертная... Бессонница. Наглотаюсь снотворного и являюсь на работу с опозданием. Начальство, естественно, недовольно. Даже обижается.

— Мы,— говорит,— Фомин, тебя из глубинки, как репку, выдернули, четыре комнаты дали, а ты систематически на работу опаздываешь.

До того мне это осточертело, что решил я строить свой быт наоборот. Приду с работы, валюсь на раскладушку, высплюсь как следует, а ночью бодрствую, по улицам хожу. В основном по вокзалам околачиваюсь. Все-таки людно, пирожок можно съесть, стакан газировки выпить, газетку завтрашнюю купить...

Как-то присел я на Казанском вокзале на лавочку отдохнуть. Пирожок жую. А рядом человек с огромным портфелем спит. Положил голову на портфель и спит. Приличный такой человек: шапка пыжиковая, пальто нейлоновое. На ноги ему бабка какая-то узел положила, на спине чемодан чей-то стоит, а девчонка напротив сидит, апельсин чистит и норовит этому приличному человеку в глаз кожурой попасть.

Жалко мне стало бедолагу. Разбудил я его и говорю:

— Пойдем ко мне, переночуешь. У меня такая большая квартира, что я ночью даже по ней блуждаю, пока туалет найду.

Посмотрел человек на меня и говорит:

— А если ты меня ограбишь? У меня шапка пыжиковая, двести рублей денег и бутылка коньяка.

— Коньяк мы выпить можем,— говорю я.— А насчет всего остального, так оно у меня тоже есть: и шапка пыжиковая и деньги.

— Ну ладно,— говорит человек.— Пойдем.— Только бы нам третий нужен. Как-то неловко пить без третьего.

— Давай возьмем вон того с селедкой,— предлагаю я.

А напротив действительно дядька в сельской необработанной дубленке спит, накрывшись серым картузом, а из сетки, которую он к груди прижал, хвосты селедки торчат. На вид хорошая селедка, похоже, баночного посола.

Разбудили мы дядьку в необработанной дубленке, объяснили ситуацию, и тот, немного подумав, согласился пойти с нами, тем более что его поезд на следующий день уходил аж в четыре часа дня.

Купили мы еще кулек пирожков с капустой и пошли ко мне домой. Зажег я свет во всех комнатах, радио включил. Тепло, светло, настоящий праздник.

— Только вот я мебелью не успел обзавестись,— говорю,— поесть не на чем, да и спать на газетах придется.

— Ничего, мы люди привычные,— отвечают Коньяк и Селедка.— Закусим на подоконнике, а насчет поспать, так газеты — это просто роскошь.

Здорово мы так посидели, вернее, постояли, возле подоконника. Хорошими они людьми оказались.

Коньяк в пыжиковой шапке на симпозиум по адаптации инфузории-туфельки приехал из Владивостока и уже третью ночь спит на вокзале, поскольку администрация гостиницы не признала этот симпозиум законным.

— Вы этот свой симпозиум должны в городе Гавре проводить,— сказали они командированным инфузористам.

А почему именно в Гавре — неизвестно. Так что симпозиум вроде проходит успешно, а делегаты спят все на вокзалах.

Селедка в кепке приехал из города Лучинска. У них там в городской бане железная труба упала. Третий месяц народ немытый сидит, поскольку при падении труба перегнулась пополам и горисполком командировал Селедку за новой трубой в Москву. Пришлось походить по инстанциям недели две, но вчера, наконец, трубу отгрузили, и можно ехать домой.

Я лег на раскладушку, накрылся одеялом и заснул, а они долго еще, слышал я сквозь сон, газетами шуршали и каждый про свое толковали: Коньяк — о проблемах адаптации и урбанизации, а Селедка — все больше о неликвидных фондах, сметах...

На следующий день Селедка уехал, а Коньяк еще две ночи у меня ночевал. Правда, мы опять ходили на вокзал и выбрали себе третьего: директора Разобовского завода тары. Его на проработку в Москву вызвали, да начальник главка забыл и уехал в командировку в Ховрино, а без начальника все дело остановилось: ни гостиницы, ни проработки, и уехать нельзя — командировку не отмечают, говорят: без проработки уезжать не положено.

С директором все кончилось благополучно: влепили выговор, даже не строгача, и он уехал очень довольный, а у меня еще двое поселились. Один, правда, спекулянтом потом оказался, скупал в Москве дефицитный товар и отправлял его знакомым для продажи в разные города. Ну, этому типу я прямо сказал:

— Мотай отсюда удочки.

— А тебе какое дело, чем я занимаюсь? — нахально так он это спрашивает.— Ты что, милиционер?

— У меня,— отвечаю,— в характеристике записано: «Честен и принципиален. Нетерпим к недостаткам». Понял? А я против собственной характеристики не пойду.

Ну он, правда, не стал спорить, съехал с квартиры по-хорошему.

Однажды на Павелецком я Нечипуренко встретил. Еле узнал. Небритый, помятый весь, спит на скамейке в грязных ботинках, под голову сетку с апельсинами подложил. Разбудил я его. Нечипуренко так обрадовался, что дар речи потерял, мычит что-то, головой мотает.

— Друг... Откуда ты взялся? Пять суток по вокзалам... Милиция гоняется... Уборщицы швабрами по ногам... Портфель с отчетом украли...

Увел я своего бывшего начальника к себе, напоил, накормил, дал отоспаться. Отоспался он и говорит:

— Да, счастливый ты человек, Фомин. Каждый день в столице ночуешь... Если бы я,— говорит,— каждый день в столице ночевать мог... я бы сельское хозяйство нашей области на такую высоту поднял... на такую...

Говорит, а у самого слезы на глазах. Искренне верит человек: у него оттого урожай плохой, что сам редко в Москве бывает.

— Теперь, Фомин,— говорит,— я у тебя каждый раз останавливаться буду, хочешь ты или не хочешь. Я тебя в столицу выдвинул, а потому имею право.

— Ради бога,— говорю.— Сделайте одолжение. Привет вашей семье. И моей заодно тоже.

Между тем народ на вокзалах прослышал про мою квартиру, валом повалил. Пришлось одних газет на пол почти на рубль стелить. Разные, конечно, люди попадались, но в основном народ хороший: кто барахлишко приехал купить, кто отпуск провести, по театрам походить, однако все же больше командированный люд — толкачи. Самые несчастные люди. В смысле гостиниц. Гонят их отовсюду, отлов устраивают, потом отсыл назад, домой. Я бы для них министерство, что ли какое создал и фонды этому министерству на гостиницы выделил. Или наоборот — работников министерств толкачами в село посылал. Но это так, между прочим.

Тут случай вскоре небольшой произошел, который я никак не мог предвидеть. Послали меня в длительную командировку. Возвращаюсь, а в квартире моей народу видимо-невидимо. Устроились уже по-настоящему: кровати стоят, тумбочки, столы, графины, стаканы граненые, на стенах картины Айвазовского «Девятый вал» висят. А главное, в коридоре симпатичная, строгая такая блондиночка сидит и ноготки полирует, а перед ней две таблички на ножках стоят. Фундаментально так сделано. Золотом по черному. На одной написано «Администратор», а на другой «Мест нет».

Я еще порадовался немного в душе: видно, на этот раз народ с юмором попался.

— Для хозяина-то местечко найдется? — спрашиваю и хочу пройти в комнату, а она удивленно так на меня ресницы, как черные зонтики, поднимает.

— Вы к кому, товарищ? Ваш квиток?

— Какой такой квиток? — удивляюсь.

— Квиток на раскладушку.

— Да я же хозяин этой квартиры.

Тут она потеряла ко мне интерес и говорит:

— Идите проспитесь. Не мешайте работать.

И дальше ноготки полирует.

Я пытаюсь опять пройти, а блондинка уже сердиться начала.

— Вызову милицию,— говорит.— Хулиганите, а еще в шапке пыжиковой!

Вижу, дело серьезное. Тут, наверно, какая-то организация мою квартиру захватила, а тягаться с организацией — дело длинное и хлопотное. Неизвестно, чем оно может кончиться. Еще характеристику себе испортишь. Напишут что-нибудь наподобие «неуживчив», «склочник», да не дай бог «судим», поди тогда доказывай, истец ты или ответчик.

«Бог с ней, с квартирой,— подумал я,— мне она все равно не нужна, пусть люди пользуются».

Сбегал я в соседний магазин, купил коробку конфет и подарил симпатичной блондинке. Она оказалась не такой уж сердитой, между прочим, и поставила мне внеплановую раскладушку в ванной.

Сейчас живу себе я в ванной. Неудобно только по утрам, а так ничего. Все время на людях. Пью с толкачами водку, ем селедку, апельсины — у кого что найдется. За день столько наслушаешься про лимиты да про поставки, что валишься на раскладушку и спишь как убитый. На работу перестал опаздывать. Начальство довольно. Одно только плохо: теща моя, куроедка эта старая, замуж собралась. Это, значит, в моем семействе еще один человек появится, и его тоже, разумеется, надо к себе прописывать. А наш главк опять дом затеял. Кому пятикомнатная квартира положена?

Конечно, мне...

— Вы не скажете, где достать запчасти?..

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ОБЛОЖИЛИ...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Т. ШАБАШОВА

Над планетой веют свежие ветры. Барометр нацелился на «ЯСНО». Ясно — это исторические итоги Совещания в Хельсинки, это разрядка. Миллиарды людей на всех континентах ликуют — потепление! Звенит в воздухе жизнеутверждающий клич:

— Будем жить в мире!

Но в закоулках ландшафта, в темных, затхлых буераках притаились еще кое-где ядовитые малярийные болотца. Летает и ползает там всякая нечисть, тянет оттуда едким милитаристским духом. Кишит болото, волнуется: свежие ветры вызывают у него страх...

— Почтенные гадюки и гады! — выныривает из жижи пучеглазый аспид — антисоветчик с полувековым стажем.— Мы задохнемся! Мы останемся без болота! Если мы немедленно не преградим дорогу этим опасным ветрам, они нас высушат! Высуш-шат!..

— Аспид прав! — шипит с кочки бородавчатая коричневая тварь, раздуваясь от ненависти.— Надо больш-ше, больш-ше поливать грязью!

— Я уже замешал две лоханки! — браво пищит из-под коряги липкое болотное чудище, заправляя зловонной жижей авторучку.— Послушайте, как я поливаю в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» совместный полет «Союз — Аполлон».

«Совместный полет вызывает раздражение у многих американцев, недовольных тем, что он дает русским возможность претендовать — в пропагандистских целях — на равенство в области, в которой США идут намного впереди».

— Хх-ы! — вздыхает старая жаба, уже не раз обжегшаяся на «холодной войне».— Что толку? Полет все равно прошел успешно!..

— А когда я принесла на хвосте известие, что полет прошел успешно,— жалобно взвизгнула прыщавая ящерица,— вы сами оторвали мне хвост!

— Отрастет. В следующий раз не будешь тащить дурных вестей! И без них тошно.

— Надо уметь обрызгать изящно,— хмыкнул комар-анофелес — корреспондент газеты «Вашингтон пост», вытягивая заднюю лапку.

«Полет находится в полном отрыве от повседневной необходимости. Стыковка кораблей доказывает, что новая техника дала обеим странам способность уничтожить космические корабли друг друга...»

— Я тоже кое-что сочинил! — вякнул головастик из журнала «Ньюсуик»:

«Советский Союз пользуется разрядкой, чтобы вершить свои темные дела против США».

Неуютно становится на болоте при одном только слове «разрядка». Темно-бурая жижица угрожающе чавкает, над зеленоватой ряской гудят хоботастые мухи, на слюнявых нитках свисают мохноногие пауки.

— Жжж! Ква-а! Ззз! — гудит, верещит болото.— Что там еще? Кэкэ? Общеевропейское Совещание по безопасности и сотрудничеству? Замарать его! Скорее бадейку побольше, да зачерпнуть пожирней! Лейте!

Скачет, потирая лапки, лягушка из английской газеты «Дейли экспресс», горделиво тычет собратьям свое лягушачье эссе:

«Хельсинкская встреча в верхах по европейской безопасности является пирушкой, не имеющей никакой другой цели, кроме отвлечения внимания от зловещей деятельности Советской России».

— Ква-а! Ква-а! — приветствует это произведение лягушачий хор.

— Доннер веттер! — раздается со дна раздраженное бульканье.— Расквакались! Дайте вставить слово! Почему западноберлинская газета «Берлинер моргенпост»...

— Уже! Уже! Можете нырять обратно! — хихикает ехидна.— Ваша симпатичная газетка не задержалась, назвала Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе «театром»!

— Доннер веттер! — чешет за ухом рептилия.— «Театром»? А что это значит?

— А вот слушайте,— хмыкает ехидна, залезая в свой корреспондентский портфель из змеиной кожи и доставая оттуда пожелтевший кус газеты.— Только сидите спокойно, не делайте волны!

«Когда в Хельсинки развеется завеса официального фимиама радости, тогда именно в берлинском вопросе быстро выяснится, что за набором прекрасных заявлений о намерениях Совещания скрываются только плохие намерения Москвы».

— ХДСссс! ХССссс! Ква-а! Кэкэ! — это подают голоса представители западногерманских партий ХДС и ХСС, тоже выступающие с критикой хельсинкского Совещания.

По мшистой кочке деловито ползет волосатый паук, это Эдвард Крэнкшоу, старый, матерый антисоветчик. Он хорошо потрудился над скандальной статейкой и сейчас с аппетитом кушает муху и пьет из лужи. В газете «Обсервер» под заголовком «Почему Запад может сожалеть о Хельсинки», паучок пишет:

«Совещание было необходимо только для русских».

— Предлагаю наломать палок и вставлять их в колеса Совещания! — выползает с предложением кто-то зеленый и в прыщах.

— Старо,— квакает умудренная жаба.— Читайте, что пишет газета «Юманите»:

«Совещание в Хельсинки прискорбно для тех, кто никогда не переставал ставить палки в колеса и кто еще сегодня не перестает предсказывать худшие беды...»

— Прекратите наконец это чтение! Не действуйте на нервы! — взрывается издерганная рептилия.— Давайте лучше квакать только самое плохое!

Кишит болото, копошится, пищит, нервничает, шипит...

А тем временем все народы приветствуют разрядку. Молодо и уверенно глядит в будущее наша планета. Стряхивает с себя мутные сосульки холодной войны. Теплыми лучами взаимопонимания полнится международная атмосфера...

ГОЛОСУЮТ...

Рисунок М. УШАЦА

«ТАЙМС» как таковая

Лондонская «Таймс» — было это примерно год назад — очень на нас обиделась. Московские газеты покритиковали ее за кое-какие статейки, нацарапанные сосулькой «холодной войны». Старушка «Таймс» благородно вознегодовала: «Да откуда вы это взяли? Да я грудью за разрядку!» Британский редактор даже высказал ироническое предположение: может быть, мол, в Москве получают не подлинную «Таймс», а какую-то самозванку, выдающую себя за «Таймс»?

Ну что ж, давайте разберемся.

Несколько раз в неделю на страницах «Таймс» на самом видном месте публикуются статьи постоянного обозревателя Бернарда Левина. Обозреватель, отдадим ему должное, необычайно плодовит. Он пишет на самые разные темы: критикует лейбористское правительство, рецензирует музыкальные произведения и новые театральные постановки, нападает на английских коммунистов. Но коронная тема Бернарда Левина — злобное тявканье на социалистические страны. Все остальное — шалости пера, а это — дело жизни.

В «Таймс» Б. Левин перекочевал из заскорузло-реакционной «Дейли мейл» и, быстро набирая темпы, пожалуй, уже обогнал таких стареющих асов антисоветизма, как Роберт Конквест и Дэвид Флойд. Не зря в лексиконе английских газетчиков появилось выражение «бернардлевинская злость», что означает двенадцатибалльную степень злобного осатанения.

К двенадцатому баллу Левин подходит, когда говорит об англо-советских отношениях. Например, во время гастролей Ленинградского балета в Манчестере жители города отбили себе ладоши, хлопая нашим танцорам, а Левин обозвал «предателем» мэра города, не отменившего спектаклей кировцев.

Зато сколько нежных слов находит обозреватель «Таймс» для врагов стран социализма! Недавно Левин взял под крыло радиостанцию «Свободная Европа», каркающую из Мюнхена на социалистические страны. Даже в конгрессе США, ежегодно утверждающем ассигнования мюнхенским радиогангстерам, раздаются возражения против финансирования «Свободной Европы». И вот это как раз и повергло в ужас Бернарда Левина.

«Было бы величайшей потерей для мира, если бы «Свободной Европе» было отказано в американской поддержке,— пишет Левин.— Я надеюсь, что сенатор Джексон и другие конгрессмены, озабоченные новыми тенденциями (то есть ослаблением международной напряженности.— **А. Б.**), будут твердо стоять на своем и возражать против прекращения ассигнований на деятельность «Свободной Европы».

Это пишет ваш подлинный, неподдельный Левин, господа из «Таймс», не правда ли? Или это каверзы почтовой службы, которая везет к нам «Таймс» в рефрижераторах, вследствие чего отдельные статьи покрываются в дороге хрустящим инеем «холодной войны»?

А. БЕЛЬСКАЯ.

Ю. ФЕОФАНОВ

«ПОТЕРПЕВШИЙ»

Ловят преступников по-разному...

По оторванной пуговице, по следу подметки, по запаху, говорят, ловят. Даже по скрипке Страдивариуса одного поймали. Все, кажется, перепробовали.

Но, чтобы поймать мошенников по световому бегущему табло на здании газеты «Известия» — до этого, скажу я вам, не дошли еще сыщики с Огарева, 6[1].

И это лишний раз свидетельствует о том, что рядовая и обыкновенная наша жизнь дает сто очков вперед самому богатому воображению.

В теплый майский вечер Иван Иннокентьевич Тулин с рассеянным, но в то же время и озабоченным видом сидел на лавочке в сквере, где стоит памятник нашему великому поэту. Рассеян был Иван Иннокентьевич потому, что дело, по которому он хлопотал уже много недель, встало как будто на надежные рельсы. Однако печать заботы на челе Тулина свидетельствовала, что дело, хотя и катилось по этим рельсам, на станцию назначения еще не прибыло. Тот факт, что у Ивана Иннокентьевича согласились взять одну тысячу рублей, вселял уверенность. А с другой стороны, это же обстоятельство и тревожило: вручена сумма вроде бы людям верным и надежным, да поди их разбери — нынче все прилично одеваются и носят вузовские значки на пиджаках — кто из них солидный человек, а кто прощелыга?

Такие противоречивые эмоции и отражались на честном лице Ивана Иннокентьевича. Борение чувств-антиподов не давало сосредоточиться, и поэтому И. И. Тулин вперил почти отсутствующий взор на весело бегущие по фронтону здания означенной выше газеты буковки. Буковки складывались в веселые слова, а слова образовывали фразы, вселяющие радужные надежды в отдельных нетипичных граждан: «...об амнистии... напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи...». Вот такие хорошие фразы бежали по световому табло на здании правительственной газеты.

И когда их смысл пробился сквозь эмоции-антиподы к сознанию гражданина Тулина, он вскочил, как болельщик на стадионе, когда его любимая команда пропускает гол, и завопил шепотом:

— Мерзавцы! Подлецы! Ограбили!

Иван Иннокентьевич ринулся было куда-то бежать, но тут же остановился. Бежать было некуда...

Однако же и сидеть на скверике не имело никакого смысла. Тем более, что веселые буковки, слагаясь в обнадеживающие слова, терзали сердце Ивана Иннокентьевича словно медвежатник-дебютант стальной сейф.

— Ах, негодяи! — сокрушался гражданин Тулин. — Ах, я сопляк, так обмишуриться! Нет, это что ж, выходит, в нашей прекрасной действительности можно ограбить честного человека среди бела дня? А где же неотвратимость?!

Иван Иннокентьевич бесцельно шатался по улицам, пребывая в некоем шоке. Или трансе. А когда выходил из транса, то сразу же оказывался перед вывеской отделения милиции. Иван Иннокентьевич шарахался от вывески, но она, как магнитом, притягивала его.

«Черт с ней, с тысячью рублей!» — говорил себе Тулин, когда видел вывеску.

«А может, пойти? Все же тысяча!» — сверлила мысль в отдалении от опасного учреждения.

Сколько бы маялся честный гражданин Тулин, неизвестно, если бы не встал от устатку в очередь за пивом. И если бы в этой высокообразованной очереди не поделился своим горем. И если бы не нашелся оптимист, который сказал:

— Добровольно заявишь — ничего не будет, еще и деньги вернут. Ты ж потерпевший.

— Потерпевший? — переспросил Иван Иннокентьевич, еще не веря своему счастью. Звание «потерпевший» настолько пришлось ему по душе, что, сдунув пену с пива, он даже слегка прослезился.— А кто же я еще? Жулик? Бандит? Убийца? Не-ет, я честный человек, по-тер-пев-ший!

— Точно, брат,— поддакивал оптимист из очереди, доканчивая третью кружку, поставленную благодарным Иваном Иннокентьевичем, — иди сдаваться и ничего не боись...

И наш честный гражданин Тулин переступил опасный порог, если и не с гордо поднятой головой, то все же с некоей претензией: вы, мол, зарплату получаете, вот и отрабатывайте, защищая меня от всяких преступных элементов.

— Так кому вы передали тысячу рублей? — переспросил дежурный по отделению.- Опишите приметы.

— Зовут Софрон Софронычем... В рубашке ходит, в ковбойке. И в брюках,— уточнил потерпевший.

— Наверное, не голым, — согласился дежурный. — А за что же вы ему отдали деньги?

Тут-то Иван Иннокентьевич засмущался. Высокое звание «потерпевший» как-то сразу съежилось и сморщилось. Гражданину Тулину показалось, что дежурный стаскивает с него самые сокровенные детали туалета.

— Видите ли, гражданин начальник, — Иван Иннокентьевич заговорил так, как говорили отрицательные герои детективных фильмов, — жена у меня. На базе работает. На овощной. Вернее, работала. А в настоящее время... гм... невинно страдает. То есть сегодня уже... родное государство возвращает ее к домашнему очагу. А тысячу-то рублей я, выходит, за так отдал? Софрону-то? Он, между прочим, личный «ситроен» у государственного советника чинит. Все может.

— Он что, механик?

— В некотором роде. Меня с ним познакомили — верный, сказали, человек. Вот и... Кстати, бумагу мне дали.

Иван Иннокентьевич протянул инспектору бланк, на коем было напечатано: «Дело гражданки Тулиной в настоящее время проверяется и взято на особый контроль». Все было по всей форме, кроме одного — из стен прокуратуры никогда такая бумага не выходила.

— Так,— сказал дежурный,— ясно. А почему, гражданин потерпевший, вы пришли к нам? Может, Софрон Софроныч и выручит?

— Так, гражданин начальник! Сижу я на Пушкинской площади, смотрю на буковки, что по газете «Известия» бегают. И читаю: амнистия объявлена. Меня как вдарило. Они ж два месяца специально тянули с меня авансы. А потом говорят — неси тысячу и встречай жену. Все, конечно, как договаривались. Но за что тысячу-то?..

Иван Иннокентьевич, когда живописал мне эту сцену, заметил: «Почему-то инспектор на мой вопрос не ответил, только посмотрел как-то нехорошо — будто не у меня тысячу изъяли, а вроде бы я».

Тут, естественно, возникает вопрос: зачем Иван Иннокентьевич пожаловал в редакцию? Отвечу. Софрон Софроныча и его компаньонов нашла милиция — они и впрямь занимались всякими мошенническими проделками. Обогащали аморальное наследство небезызвестного в литературе Панурга, который знал, кажется, 104 способа честного изъятия чужой собственности. Кого в картишки обставляли, кому дефицитные вещички обещали. На деле-то ничего не устраивали. Но авансы брали.

Уголовный кодекс, он, конечно, вольностей не позволяет. За мошенничество он что надо дает. Получили свое Софрон с братией. За то получили, что было законным образом доказано. А вот тысяча Ивана Иннокентьевича не доказывалась. Мошенники, конечно, личности отрицательные, однако же круглых идиотов среди них не часто встретишь. Ни расписки они нашему потерпевшему не выдали, ни свидетелей к моменту передачи денег не пригласили. А закон, как только что отмечено, вольностей не позволяет — ни в ту, ни в другую сторону.

Вот с этим Иван Иннокентьевич никак не хотел согласиться, это ему казалось высшей несправедливостью. И пришел он ко мне с целью «пропечатать нашу родную милицию и наш гуманный суд», которые в данном конкретном случае своей миссии по возвращению тысячи рублей гражданину Тулину не выполнили.

Не связанный строгими канонами уголовно-процессуального кодекса, я, ничтоже сумняшеся, бухнул:

— А вдруг вы, Иван Иннокентьевич, никакой тысячи и не давали? Нельзя ли предположить, что вы сами Софрон Софроныча объегорить задумали?

— Я?! — взревел гражданин Тулин. — Да за кого вы меня принимаете? Я что, жулик? Бандит?

— Нет, — продолжал я вольничать, — бандит — это, пожалуй, слишком; не похожи вы на бандита, Иван Иннокентьевич. Но закон-то обойти хотели? Взяточку-то должностному лицу навязывали?

— Да какое же он, Софрон, лицо?

— Но вы-то для «лица» предназначали? Для владельца «ситроена»? Давайте все и пропечатаем. А? Иван Иннокентьевич?

— Ах, и вы туда же! Сговорились? Ладно, я этого так не оставлю. Буду жаловаться... — И мой «потерпевший» ринулся к выходу.

Увы, мне не раз приходилось встречать «братьев и сестер» И. И. Тулина — таких же «потерпевших». То некая дама аванс даст за кухонный гарнитур, дабы обойти очередь, то некий джентльмен под «Волгу» свои кровные выложит; тот за дочку в институт сует тугие пачки, этот — за кооперативную квартиру для сына. Легко «братья и сестры» расстаются со своими честными деньгами.

И знаете почему? За эти денежки они ведь тоже кого-то надувают. Хотят надуть того, кому положены гарнитур, «Волга», квартира или место в институте.

А вот когда их самих надуют, это уж безобразие. Тут уж в пору кричать: «Караул! Ограбили!»

И кричат. И признают их потерпевшими — тут ничего не поделаешь, таков закон. Но все же говорить этим «потерпевшим», кто они на самом деле есть, не мешало бы. И в частной беседе. И публично.

[1] Адрес МВД СССР.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «КРОКОДИЛА»

Художники, вострите карандаши! Рассказчики, заправьте авторучки порцией ярких чернил! Крокодил объявляет конкурс на лучший юмористический рисунок и прозаическую юмореску, так или иначе связанные с темой матери и ребенка.

Ну, а где мать и дитя, там, естественно, папа, и бабушка с дедушкой, и детсад, и школа, и проблемы воспитания, и т. д. и т. п. И вообще разве мать и дитя не та ось, на которой вращается колесо, именуемое жизнью!

Мы назвали наш конкурс «Мадонна-75», но заранее спешим покаяться в двух неточностях этого названия. Во-первых, тема нашего конкурса не мифологическая: нас интересуют вполне земные матери и дети с их земными проблемами.

Во-вторых, мы не собираемся ограничивать срок конкурса 31 декабря текущего года. Последний срок присылки материалов — 1 марта 1976 года.

Размер юмористического рассказа не должен превышать 400 слов (то есть двух страниц на машинке). Размер рисунка любой. Просьба лишь, чтобы рисунок не превышал габариты товарного вагона, иначе его (рисунок, а не вагон) придется сгибать пополам, а это нежелательно.

Принимаются веселые рассказы на всех языках мира и рисунки, выполненные в любой манере, кроме скучной.

Все произведения, достойные публикации, будут опубликованы незамедлительно. Лучшие юморески и карикатуры будут отмечены специальными призами и грамотами. Два золотых Крокодила, четыре серебряных и шесть бронзовых уже томятся в ожидании своих будущих владельцев.

На всякий случай рядом с адресом не забудьте пометить: «Мадонна-75».

Неопубликованные произведения будут сданы на вечное хранение в архивы журнала. Этим мы хотим сказать, что рукописи и рисунки не рецензируются и не возвращаются.

Договорились! Все ясно! Ждем!

КРОКОДИЛ

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В связи с употреблением спиртных напитков в рабочее время трактор по существу эксплуатировался на износ».

(Из докладной).
Прислал М. Пирогов, г. Красноярск.

«Продаю корову мужского пола. Цена по договоренности».

(Объявление).
Прислала И. Соколова, Братский район, Иркутской области.

Кабинет переведен в электросон.

(Объявление в санатории.)
Прислал К. Иванов, Московская область.

Товарищи покупатели! очень просим вернуть кольцо, которое вам случайно взвесили.
Администрация.

(Объявление в магазине).
Прислал С. Балунов, г. Ярославль.

«Кстати, жилеты особенно пользуются благосклонностью женщин. В этом сезоне модны жилеты с рукавами и воротниками».

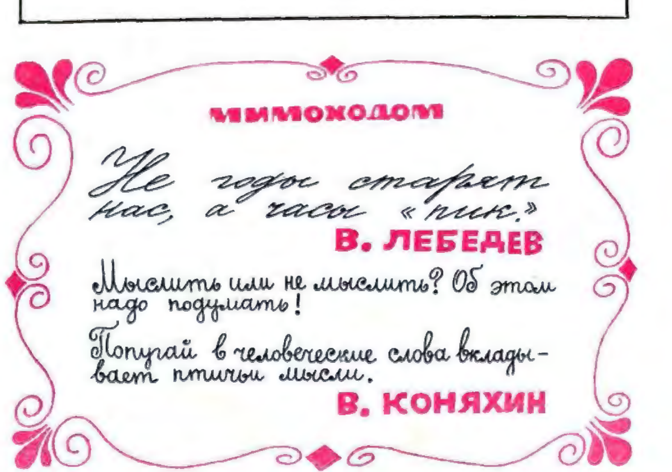
Газета «За коммунизм», г. Тольятти.

Александр Маркович НИКОЛАЕВ

(К 50-летию со дня рождения поэта-сатирика)

Дружеский шарж А. КРЫЛОВА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Бане ИВАНОВИЧ (Югославия)

Крылатый дар

Держал человек на чердаке белого ручного голубя. Время от времени он открывал окошко и выпускал птицу в голубое небо. Нырнув в свободу и насладившись ею, голубь всегда возвращался к своему хозяину.

Слыл этот человек в городе очень гостеприимным. И действительно, не было гостя, который ушел бы из его дома с пустыми руками. В знак уважения хозяин каждому дарил белоснежного красавца турмана. Гость уходил польщенный вниманием и, конечно же, в свою очередь, старался достойно одарить хозяина. Ну, а голубь, как только новый хозяин выпускал его полетать, немедленно возвращался на родной чердак, к старому хозяину. Претензий ни у кого не было: у кого хватит совести разыскивать улетевший куда-то подарок?

Слух о белоснежных прекрасных подарках достиг ушей местного начальства. Секретарю общины, ведавшему приемом именитых гостей, идея таких подарков понравилась, и он отправился к владельцу турмана. Договорились они быстро. За приличное вознаграждение гостеприимный человек согласился поставлять общине для приезжих гостей белоснежных голубков. (Кто же мог знать, что птица у него единственная?)

Все были довольны. И председатель общины, лично преподносивший заезжему начальству замечательные крылатые подарки, и само начальство, ценившее уважение, и сам хозяин голубя, всегда возвращавшегося на родной чердак. Да и голубь, надо думать, наслаждался таким образом жизни: то и дело новые люди вокруг, репортеры, масса впечатлений и поездок.

Однажды человек, накормив и напоив своего питомца, слез с чердака и тут увидел, что к его дому стремглав бежит секретарь общины.

— Быстренько давай-ка голубя, только пожирнее!

— Пожирнее?

— Ну да, пожирнее.

Человек пожал плечами, пошел на чердак и принес птицу.

— Нет, ты меня не понял. В таком виде не пойдет. Там приехал один начальник, он, говорят, обожает жареную голубятину. Так что быстренько изжарь птичку, а я через часок забегу.

Деваться было некуда, и гостеприимный человек зажарил своего кормильца.

Прибежал секретарь, сунул хозяину деньги и умчался с жареным голубем.

На этот раз птица, конечно, не вернулась. Да и ее хозяин тоже не вернулся в этот город — назавтра же переехал в другой, где снова приручил другого белоснежного красавца. И снова принялся дарить его. И опять, говорят, неплохо живет гостеприимный человек...

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

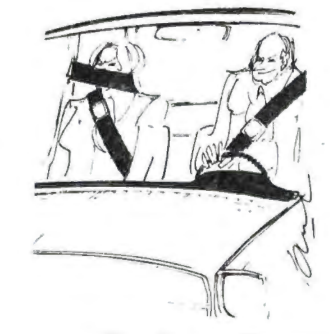
— Благодарю, но участвовать в движении за эмансипацию женщин я не хочу. Я иду своим путем и, по-моему, верным.

«Актуэльт», Дания.

— Постарайся немного загореть. Я сказала соседям, что ты уехал в Африку.

«Де телеграф», Нидерланды.

«Иси Пари», Франция.

— Мы уже женаты год, пора бы твоей мамочке перестать плакать.

«Гардиан», Англия.

Слова, слова...

Хорошо, когда у каждой женщины есть муж, еще лучше, если он — ее собственный.

Польская народная мудрость.

Все, что необходимо для развода в наши дни,—это свадьба.

Юмор служащих мэрий.

Бизнесмены — это люди, которые всю жизнь занимаются тем, что делать не следовало бы, чтобы заработать деньги, которые им не нужны, для того, чтобы купить вещи, которые им тоже не нужны, чтобы произвести впечатление на людей, которых они не любят.

Саша Гитри, французский юморист.

Опережая эпоху, ты подставляешь ей спину.

Из фольклора гениев.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Старый лорд возвращается во время охоты домой.

— Вы пришли за новыми патронами, сэр? — спрашивает его слуга.

— Нет, за новыми собаками.

●

Дама входит в оружейный магазин и просит показать ей хороший пистолет.

— Вам для защиты, мадам?

— Нет, для защиты я найму адвоката.

●

В театре перед началом второго акта на сцену выходит администратор и говорит:

— Господа, один из зрителей потерял в антракте бумажник с двумя тысячами франков. Он предлагает сто франков тому, кто вернет ему потерю.

Молчание, потом из зала раздается голос:

— А я предлагаю двести франков.

●

— Спасибо, я никогда не пью, когда езжу.

«Паэзе сера», Италия.

— Я знаю,— говорит мужу умирающая жена,— ты не любишь мою сестру, но прошу тебя, иди во время похорон рядом с ней...

— Хорошо,— вздохнул муж,— я, конечно, выполню твою волю, но знай, что настроение у меня будет испорчено на целый день.

●

— Что это ваш брат перестал вас навещать? — спрашивает квартирная хозяйка свою молоденькую квартирантку.

— Наверное, нашел себе другую сестру...

●

Гангстер безуспешно пытается открыть сейф. Наконец он бросает инструменты, вытирает вспотевший лоб и раздраженно бормочет:

— Черт побери, как все-таки люди умеют отравлять друг другу жизнь!

●

В похоронном бюро.

— По какому разряду вы хотели бы устроить похороны, мсье?

— По самому дешевому, по четвертому.

— А вы знаете, что означают похороны по четвертому разряду? Это когда венки несет сам покойный.

●

— Надо купить несколько лотерейных билетов,— говорит жена.— Внутренний голос подсказывает мне...

— Как,— в ужасе восклицает муж,— у тебя есть еще и внутренний голос?!

●

— Кто это вас так разукрасил, мистер Робертс?

— Собственный пес покусал.

— Как же так получилось?

— Видите ли, в тот вечер я по дороге домой не зашел в пивную, вот он меня и не признал.

●

Алан БРОУН (Канада)

Карьера курьера

Он начал свою карьеру, устроившись курьером на телестудию. Должность, что и говорить, скромная. Да и зарплата такая же. Даже еще более скромная. Впрочем, человек он, видимо, тоже был скромный, потому что попросился работать в ночную смену. Трудился он добросовестно, облизывая языком марки и наклеивая их на конверты, и никогда не жаловался.

Но однажды, когда скромный курьер клеил марки уже ровно год, его вызвали к самому президенту компании. Не успел он войти в роскошный кабинет, как президент вышел из-за своего роскошного стола, дружески потрепал курьера по плечу и воскликнул:

— Целый год проработать на таком скромном месте! Целый год получать такую скромную зарплату — и ни одной жалобы, ни одной просьбы! — Президент предложил курьеру сигару, закурил сам и продолжал: — Я горжусь тем, что наша компания всегда ценит в людях скромность и старание. Все, кто обладает этими качествами, могут сделать у нас карьеру. Я, например, в свое время тоже целый год наклеивал марки, был курьером. А потом меня вызвал к себе отец — он был тогда президентом радиокомпании — и говорит: сын мой, я всегда превыше всего ценю в людях скромность. С этого дня ты назначаешься моим заместителем. Вот и я тоже решил...

— Спасибо, папочка,— пробормотал курьер.

Перевел К. Г.

КРОКОДИЛ

№ 24 (2142)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, Г. и В. Караваевы, Е. Милутка, И. Сычев, М. Ушац, Ю. Черепанов, Е. Шабельник, Е. Щеглов.

НАШ АДРЕС: 101455 МОСКВА А-15 ГСП БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86 253-34-37

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 31/VII 1975 г. А 00889. Подписано к печати 12/VIII 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 980 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 653 310). Изд. № 2005. Заказ № 1001.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Чилийская хунта отказалась пустить в страну комиссию ООН по правам человека. Но, стараясь как-то обелить себя в глазах мирового общественного мнения, хунта решила создать свою комиссию из «достойных людей». Об этом сообщила чилийская газета «Сегунда».

— Скорее приводи себя в порядок: ты назначен в комиссию по правам человека.

Рисунок
Бор. ЕФИМОВА